

Анастасия Волкомир

По велению Вселенной...

Я пробуждаю спящее лихо

16+

Анастасия Волкомир

По велению вселенной...

Я пробуждаю спящее лихо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68009324

SelfPub; 2022

Аннотация

Современный мир, похожий на наш, но все что в нем происходит подобно RPG стратегии. У тебя есть и ограниченный инвентарь, и оружие, ты можешь пить волшебные зелья и прокачивать свой уровень, существует лишь одно "но". Согласно древнему преданию, когда солнце заходит за горизонт, по школьным коридорам бродит Черный Зверь, предвестник конца мира, в поисках легкой добычи и сокрушения земель. Илья Силантьев, способный ученик, которому с самого рождения суждено быть избранным, пойдет на все, чтобы чтобы пророчество не стало былью и стереть имя врага с лица земли. На какие ухищрения он пойдет ради этого и какой секрет хранит от него семья?

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	8
Глава 2	39
Глава 3	78
Глава 4	98
Глава 5	121
Глава 6	145

Анастасия Волкомир

По велению вселенной...

Я пробуждаю спящее лихо

Предисловие

И вновь приветствую тебя, читатель, небольшим отступлением. Это необходимо. Я чувствую, что должна объяснить происходящее, таким образом, ты становишься частью этой истории.

Этот роман – фантазмагория, переосмысление и трагедия одновременно, только завуалированная щепоткой фарса. Все события вымышлены, а совпадения случайны. Все описанное ниже является плодом фантазии автора не без толики иронии и сатиры, через бесконечный вагон замысловатых метафор и витиеватых фраз.

Помните об этом: «Сказка ложь, да в ней намек». В каждой шутке есть доля правды, а за каждой истиной стоит горький опыт.

Увы, никто не рождается с памятью и знанием. Человек не может не совершать ошибок и не подстрекать других на это. Мы любим, ненавидим, мстим и очаровываемся. Все эти

чувства свойственны нам по завету природы. Они движут нашими инстинктами, застилают глаза и разум, медленно втаптывая в безвыходное положение.

Это то, о чем повествует книга.

О чем вы читаете? Эта история, можно сказать, о первой влюбленности. Не о любви! Здесь озвучены фрагменты, которые пережила я и мои близкие. Она о предубеждениях, вымышленном мире и надеждах, напрасно возложенных на других. Здесь описаны последствия манипуляций, которыми человек губит не только свое окружение, но и себя.

Я не могу похвастаться обширными знаниями о человеческой природе. Я не могу угадать, какие у него мечты, цели, какой быт он проживает и о чем думает. Я, скорее, была вне социума, нежели состояла в нем. Однако все же кое-что мне удалось выяснить. Сейчас самое время этим поделиться.

Мне неоднократно доводилось быть одержимой людьми. У меня была такая иллюзия, сформированная детскими комплексами – «другие знают лучше». Спойлер: Это не совсем так.

Каждый человек – это потенциальный ребенок. Запомните и отложите эту информацию у себя в голове, она пригодится для вашей дальнейшей жизнедеятельности. Соответственно, каждый такой «ребенок» ведет свою игру, территориально ограждая себя песочницей.

Для поддержания этой игры нужно два условия: 1. Не сворачивать с заданного пути, 2. Использовать любые методы,

чтобы весь выигрыш достался тебе. Природа не терпит соперничества, даже в лице безопасного противника.

Если человеку, будучи охотником, служит преимущество вытянуть из тебя выгоду, он найдет для этого любые способы. «Кто ищет – тот всегда найдет». Уверенный в чем-то человек всегда найдет подтверждение своим заблуждениями.

Людская натура играет с нами до тех пор, пока мы выгодны. Пока в нас теплится внутренний ресурс – мы будем лакомым кусочком для духовно нищей формы жизни. Чем мы богаты, тем осторожнее мы должны себя вести. «Молчание – золото», так говорили нам родители и были правы.

Как распознать охотника? Только через опыт. Нет ни единого перечня, обрамленного критериями, по которому можно вычислять опасность. Мы всегда должны быть наготове. Поэтому важно сохранять ясность рассудка, освобожденного от инстинктов. Не заблудись сам и тебя не найдет такой же заблужденный.

Главное помнить: нет ничего постыдного в том, чтобы попасть в ловушку. Плохо, если ты попадаешь в нее снова и снова.

С другой стороны, тогда не было бы этой книги.

Я не могу и не пытаюсь объективно оценивать свой труд, но и не хочу нахваливать себя напрасно. Я не специалист, разве что только учусь, но хочу передать те знания, которые достались мне не понаслышке.

Дорогой читатель, возможно, ты еще никогда не был

влюблен и тебе только предстоит пройти эти уроки плавания. Быть может, ты уже замыкаешь повторяющийся из раза в раз порочный круг тяжелого общения. Я искренне надеюсь, что эта книга будет некоторым пособием о том, как делать не нужно. Впрочем, хорошие примеры здесь также описаны, но на их следовании я не настаиваю. Если же вы состоите в хороших отношениях, как с людьми, так и с собой, просто окунитесь в эту историю, словно в бассейн, и позвольте воде обволочь вас.

Возможно, вы найдете в этой книге себя, а быть может и своего родственника, знакомого или даже друга – это будет большим поощрением моего скромного труда. Ваше внимание – моя награда.

Последнее, что я хотела бы отметить – не стесняйтесь задавать прочитанному тексту вопросы. Следите за причинами и подмечайте следствия. Не упускайте ни одного движения каждого героя, здесь любая мелочь имеет значение. Любое слово – имеет вес, даже неосторожно брошенное на ветер.

Не осуждайте, но и не поощряйте поступки каждого героя. Они созданы для того, чтобы зеркалить современное бытие.

Анализируйте. Размышляйте. Критикуйте.

Ваша задача: Понимать происходящее.

Моя цель: Быть хотя бы немного полезной для вас.

Глава 1

«... Мастерство быть излишним, подобно мне

Мастерство быть любимым, подобно петле» (Е. Летов «Русское поле экспериментов»)

Я смотрел на нее, медленно смакуя гранатовый сок из граненого стеклянного стаканчика, что подают в школьной столовой. Напиток сиял рубиновым отблеском в свете солнца, проникавшего из тонких окон среди массивных бетонных стен. С каждым глотком он пульсировал словно кровь, стекающая по артерии, обогащая меня кислородом и чувством насыщения.

Мне частенько доводилось видеть ее в дальних рядах на большой перемене между третьим и четвертым уроком. Тонкая шея, маленькие руки и густые рыжие волосы, завязанные в конский хвост. Она всегда смотрела куда-то вниз, не замечая никого в окружении. Будто не от мира сего. Ее не интересовали земные проблемы. Она была выше этого.

Я заметил ее лишь недавно.

Тогда она сидела слева от меня на олимпиаде по математике и одна из первых сдала свой листок с решениями. Видимо, задачки давались ей плохо, раз решила сдать без боя. До этого я обронил металлическую линейку, и она ударилась

об пол с оглушающим лязгом, завлекая посторонних на сдержанные смешки. Вздрыгнув, та быстро подняла ее дрожащей рукой. Наши глаза на мгновенье столкнулись.

Весь день ярко палило солнце, окрашивая кабинет в желтые тона, разбрасывая от предметов длинные тени. Создавался контраст между светом и тьмой. Невидимая борьба, подвластная лишь моему взгляду. Такая погода весьма необычна в наших краях, да еще и осенью, которая славится своими беспрерывными дождями.

Темные геометрически линии оконных рам украшали однотонные парты.

Ее силуэт освещался «искусственным нимбом», созданным сиянием вечной звезды.

Смутившись, она опустила взгляд. Какой же красивый оттенок зеленого отражался в ее глазах. Я такого раньше не встречал, а поддержание глазного контакта для меня тот еще спортивный интерес. Мог часами донимать кого-нибудь своей персоной. Мне нравится это ощущение первенства, когда твой собеседник не может выдержать навязчивого напора, особенно если в негласном споре правота за мной. Такое часто случается.

В ней же я ощутил что-то новое. Это был не дух соперничества или интерес к точным наукам.

Готов голову на гильотину сложить, это неоправданно пафосное мероприятие ее совсем не интересовало. Учителя любят выдвигать способных детей на подобные унижения

во имя долгожданной прибавки к зарплате. Скорее всего, она просто выполняла свою обязанность. Оправдывала возложенные ожидания. Как мне знакомо это...

Потому такое безразличие к происходящему становится оправданным. А смущение мотивировано не более чем, как столкновением со мной. Вряд ли мальчики интересуются ей, а она ими. В этом возрасте они любое неосторожное движение воспринимают как благоприятный знак.

Впрочем, это приятно.

Мне, на самом деле, девушки никогда не нравились. По крайней мере те, что со мной учились. Все до единой какие-то недалекие, вульгарные, живущие по принципу: «Авось, лошок клюнет». Ведут себя вызывающе, одеваются так, будто были готовы в любой момент раздеться. Она такой не была. Была в ней и кротость, и обаяние, и скромность. Должно быть, принцессы так и выглядят.

Сейчас она сидела на другом конце зала и медленно жевала обед, а я не мог оторвать глаз от ее чистого образа. Вокруг стоял гул детей, жаждущих своей похлебки. Из общего шума доносился какой-то современный сленг, понятный только определенной субкультуре, но я старался не обращать на них внимание. Я все пил и пил, сок никак не заканчивался. Мы сейчас не столкнемся взглядами снова, знаю, но это и не было моей целью. Не сегодня.

Меня все еще ждет другая миссия. То, для чего я был рожден.

– Куда ты все время смотришь? – Спросила моя одноклассница Полина, сидевшая напротив меня. Теревила прямые иссиня-черные волосы, другой рукой подпирала подбородок. Та и не думала начинать обед. Она продолжительное время сидела на диете, но по факту просто бездумно морила себя голодом. Девчачьи комплексы – забавная штука.

– Да так, веду наблюдение. – Не люблю такие назойливые вопросы, поэтому стараюсь отвечать односложно и нейтрально. Так провокация не сработает. Мои дела всегда должны оставаться при мне и никого не касаться впредь.

Та протяжно вздохнула: – Ты хоть в курсе, что скоро придут результаты олимпиады? Неужели неинтересно?

– Не. Я выиграю, задачи были не такими сложными, как изначально обещали. Учителя любят излишне нагнетать. Надо будет – пойду на городскую, лишь бы не доставали. Мне не об этом надо думать. Сама знаешь.

– А что, следы появились? – Не без смешка спросила она. Мне не нравилось ее чувство юмора. Слишком глупые шутки, лишённые твиста. Подковырка ради обесценивания. Полина вообще яркий представитель неразумной расы, которая, казалось бы, хорошо понимает естественные науки, но при этом остается совершенно неинтересным человеком. Вроде бы много чего знает, а дальше своего носа ничего не видит. И этого человека в свое время заметили лучшие маги города.

Да, она пытается быть многогранной личностью, много

читает, интересуется всяким, но на деле все ее величие ограничивается собиранием карточек с полумифическими монстрами. Вся такая серьезная, а занимается детским промыслом. Не понимаю, что она в этом нашла.

– А должны?

– Ну, если пораскинуть мозгами, то что-то же должно быть? Легенды не берутся с потолка. Значит, были свидетели. Как это получается: Зверь существует, а никаких признаков жизни нет? По-моему, это нелепо.

– Я уже не раз говорил: Зверя видишь лишь однажды. Дважды, согласно легенде, ты его не встретишь.

– Дальше только смерть?

– Вот именно.

– Пф, еще хуже. Тот, кто сочинил эту легенду либо мертвец, либо большой лгун. Сам знаешь, что выбрать.

Как же она начинала бесить меня в такие моменты. Нет, чтобы тактично промолчать и тем самым показать хотя бы толику своего интеллекта, так нет же, надо гнуть свою линию до конца. Бестактная. Потом она начнет удивляться такому отношению к себе.

– То есть, ты мне не веришь?

Ее лицо тут же прояснилось. Очевидно, мне удалось заставить ее врасплох. – Почему же? Верю. Просто говорю что...

– Так гласит пророчество, оно не может врать. Зверь существует. Это факт. Понятно?

Та, опустив голову вниз, пожала плечами: – Как скажешь.

Мы минуту сидели молча. Та девушка, за которой я наблюдал, уже скрылась из моего поля зрения.

Полина же не сводила с меня глаз. Ей что-то не нравилось, но я не хотел знать причины этой недовольной гримасы. Она тоже не стремилась посвящать меня в это. В последнее время она только и делает, что молчаливо записывает меня виновником любой мелочи.

– Давно хотела спросить...

– М?

– А что вообще происходит между нами?

– То есть?

На самом деле, я понимал, к чему она клонит. Не хочу выяснять отношения. Ненавижу, когда человек, что-то придумывает в своей голове и выдает желаемое за действительное. В такие моменты я предпочитаю выглядеть блаженным дурачком. Пусть тоже побесится. Ощутит себя в моей шкуре.

– Я понимаю, что ты... – она многозначительно закатила глаза и сделала жест двумя пальцами, – «занят своим предназначением», но тебе не кажется, что в наших отношениях что-то не так? Ну, вот будто не так как раньше.

Я притворился задумчивым: – Хм... Нет, думаю, все как всегда.

То, что я стал меньше оказывать знаков внимания, не делало меня бесчувственным человеком. Повода для этих ухаживаний не было.

Она частенько косячила с рецептурой новых зельев. Вы-

учила парочку более-менее сносных, но на большее ее не хватило. С таким же успехом я бы и сам мог пойти по пути развития на зельеварение. Тогда бы она точно осталась бесполезным питомцем, вечно снующим у моих ног. Иногда она предлагает толковые идеи, но не делает ничего для их воплощения. За что ее поощрять?

Да, она сама предложила мне помощь, но, видимо, умение рассчитывать свои способности – не ее конек. Вот и сейчас загорелась идеей о том, что можно научиться стирать память. Мол, это может помочь в бою. Этакая палка, которая может стрельнуть. Рояль в кустах, которую не учел или просчитал создатель. Как бы «баг», но на самом деле – «фича». Но дальше дело не продвинулось. Поэтому мне было неприятно слышать из ее уст подобные упреки.

Полина одобрительно покивала головой: – Сложный период, да?

– Верно.

Хорошо, когда человек за тебя делает выводы, может, я зря ее недооцениваю. Она довольно самостоятельна, когда надо.

– Мне кажется, твои родители возлагают на тебя слишком большую роль.

Ах, ты, черт. А я-то думал, мы закончили.

Честно говоря, я начинаю жалеть о том, что рассказал ей всю эту историю. Зацепилась за какие-то свои выводы, вырывая все важное из контекста, теперь не может оставить меня

в покое. Будто меня может интересовать ее оценочное суждение.

Когда-нибудь я выскажу ей это. Больно парит меня происходящее, но сейчас я не должен давать себе слабину. Кто бы что ни говорил – у меня есть цель. У многих ее нет. Да и полезность ее предложений я не отрицал. Просто... скучно с ней. Ничего не могу поделать. Я не выбираю, что чувствовать.

– Причем тут мои родители? Ты не понимаешь, в какой опасности сейчас находится Вселенная? И ты, и я. Мы все можем не дожить до завтра, а все потому, что Черный Зверь на свободе, он разорвал цепь! Снова! Я должен рискнуть всем и одолеть его пока не поздно. Какая тут роль? Это неуместно вообще-то. Как ты можешь так бесчеловечно рассуждать?!

В ответ я услышал лишь тишину. Сама собеседница стыдливо опустила свой взгляд. То-то же. Даже слышать больше не хочу подобного бреда.

– Надеюсь, у тебя много сердец?

– Штук пять.

– Везет. Береги себя.

Кажется, мне удалось призвать ее к совести. Еще бы, эгоизм нужно лечить. Чем раньше, тем лучше.

Столовая начинала пустеть и потому звонкие возгласы ребятни уже не так резали слух. Ненавижу эту мелочь. Никакого уважения к личному пространству старших. Мозг не

сформирован. Сами себе на уме.

Стакан был осушен до дна.

Я все чаще оставался в ночное время после уроков, чтобы наблюдать за пустыми школьными коридорами. Ни единого признака жизни. Это и радовало, и раздражало одновременно. Никакого следа Зверя.

Легенды не могут врать, это просто невозможно. Их складывали веками, чтобы однажды воплотить в жизнь. Такие предназначения создаются не для насмешки. Сейчас я уверен в своей правоте как никогда раньше.

Это началось еще давно, буквально с рассказанной на ночь сказки. Я всегда знал, что был рожден для чего-то большего.

Соприкосновение с той невинной девочкой было тому подтверждение.

В тот момент, когда у нас произошел «контакт», я услышал голос. Он не был отчетливым, больше похож на рык или сопение. Что-то не менее раздражающее слух как детвора. Я скорее чувствовал его интуитивно. Будто кто-то дышит тебе прямо в ухо. Так я понял – это тот, кого мне суждено победить. Ошибки быть не может.

[Чего же ты ждешь?...]]

Вот что примерно сказал он. Понял глубоко внутри себя. Дразнил. Заводил как игрушку. Искусал сделать наступление. Все, что я делал раньше, просто выжидал время.

Когда-то давно, когда мы в очередной раз завели разговор о нашей династии, я спросил у отца: – Как я узнаю, что пора? – Вселенная даст тебе это понять. Ты почувствуешь это.

Я тренировался все шестнадцать лет. С первых дней был окружен, словно туманной пеленой, всей мистикой бытия. Теперь этот момент настал.

Я шагаю по этой «пустыне», эхо доносит мои шаги на дальние расстояния. Свет, проникающий в окна, падал на пол, разбавляя непроглядную темноту, украшая решетчатым узором бетонную поверхность. Я слышу свое громкое дыхание, оно неприятно закладывает мои уши, но отступить некуда. Всю жизнь меня готовили к этому событию.

В моих руках серебряный кинжал с обсидиановой рукояткой. Если верить преданию – это один из немногих древних артефактов, или чудес Вселенной, как принято было их называть раньше. Он передавался в моей семье из поколения в поколение. Мой дедушка охотился на Зверя, затем отец, а теперь все надежды возложены на меня. Легенда гласит о том, что такое существо с мощной аурой способно убить лишь избранное оружие.

Отец давно заложил во мне осознание того, что я могу быть спасителем мира, но я предпочитаю считать это обычным долгом. Впрочем, это не менее приятно. Я знаю только одно – я единственная надежда Вселенной, если, конечно, она существует. Весь мир был создан для того, чтобы кто-то в нем поддерживал равновесие.

Осенью темнело раньше. С улицы больше не доносились звонкие детские голоса, все давно разошлись по домам.

Я сидел на лестнице и томно выжидал хоть какие-нибудь признаки жизни. Ничего не следовало.

Неудобная броня натирала мне локти, а ремни от наплечников неприятно впивались в мою кожу. Омерзительно гадкое чувство. Я чесался от ощутимого раздражения.

Несколько часов ходьбы по этажам не придавали оптимизма.

Мысль о том, что все тщетно иногда закрадывалась в мою голову, но я старался отбрасывать ее как можно дальше. Это точно был знак. Я должен быть уверен в это...

Внезапно раздался шум.

«Наконец-то, хоть что-то!» – подумал я, и начал медленно, почти бесшумно, прятаться за стенами. Меня давно научили переходу в режиме невидимки. Звуки доносились снизу, мне пришлось хорошенько прислушаться, чтобы понять это. Все-таки не зря я сегодня выпил зелье «Острый слух» по совету Полины. Оно отлично усиливало чувства, в этом она разбирается. Правда, у него был побочный эффект – ужасно хотелось провалиться в сон. С таким настроением не нападешь на цель, но все же оружие было наготове. Борьба с самим собой – также нарабатываемый навык. Главное только захотеть, я думаю.

Странно, на карте никого не было, но я все также приближался к возможному источнику суеты. Быть может, Зверь

эфемерен, как привидение, тогда не стоит удивляться отсутствию отметок на горизонте.

Шум доносился из небольшого «кармана» в коридоре на первом этаже, где находился запасной эвакуационный выход, огражденный всевозможными неповоротливыми замками. Приготовившись, я прицелился.

Я ощущал и радость, и гордость, и трепет. Вот-вот я увижу то, что не дано другим.

«Зверя видят лишь однажды» – так гласит легенда.

Сжав рукоятку из редкого минерала, я резко толкнул дверь.

Раздался громкий хлопок! Запахло ржавчиной и деревом. Сгустилась пыль, разлетавшаяся под навесом лунного света. Под ногами захрустели щепки.

Все чувства как рукой сняло. Никакого Зверя не было.

В углу, ничего не замечая вокруг, копошилась девушка, чьи волосы были больше похожи на сгусток жиденькой соломы, а одежда на затертые нафталином тряпки из бабушкиного чулана. У нее была абсолютно невзрачная внешность, от вида которого хотелось перекреститься, нежели описать, а темные круги под глазами усугубляли все уродство наружности.

– А ты каким чертом тут делаешь?! – Не выдержал я, сжав челюсти. Усталость давала о себе знать. Черт, больше не буду пить это поганое зелье. Себе дороже. Лучше заставлю Полину научиться готовить что-нибудь другое, пусть это и невоз-

можно.

Она ответила не сразу, сверяя меня оценивающим взглядом. Она делала это так нарочито медленно, что сам чуть было не взорвался от раздражения. Ее взгляд остановился на чудесном артефакте в моей руке.

– Это я тебе должна задавать такие вопросы. Ты-то тут что делаешь? Ух, ты, какой ножик... Какой блеск вулканического стекла. Красота. Любо-дорого посмотреть, да? Или... как там говорят? Неужели настоящий обсидиан?

На эти замечания я тоже среагировал не сразу, через пелену в глазах и вату в голове сделать это довольно проблематично.

– Тебе-то что?! Да, настоящий. И не стекло, а лава.

– М-м-м... Готова поклясться, я похожую штуку видела однажды, в далее-е-еком-далеком детстве. Жаль, не вспомню, что конкретно это было. Может, такая же бритва.

Да как ты смеешь так называть этот благородный металл, чертова замарашка? Эта самая «бритва» ничто иное, как историческая реликвия, за которую до сих пор грызутся между собой ученые, чтобы доказать свои теории о появлении мира. Чтобы тебе такую купить, нужно душу заложить в ломбарде, если она, конечно, вообще чего-то стоит.

– О чем ты говоришь? Это единственный в своем роде клинок. У него нет никаких аналогов, и уж тем более копий.

Та протяжно выдохнула: – Ну-у-у, нет, так нет. Стало быть, ошиблась, бывает. Пойду я дальше патрулировать. Да

и тебе пора. Ночь на дворе, если не заметил.

Сторож что ли? Да не, таких на эту роль не берут. Ее пальцем ткнешь – расщепится на атомы и сгусток пепла. Я бы даже решил, что она – скелет, но те любят нудизмом, отрицая всяческую тряпичную оболочку. Публичный показ своего внутреннего мира – неотъемлемая часть их религии.

Я окликнул ее, когда та «проплыла» мимо меня: – Эй! Ты никого здесь не находила?

У меня складывалось такое впечатление, будто из нее весь кислород выкачали. Она была настолько лишена жизни, что без жалости не взглянешь. Кусок лимона, залежавшийся в углу холодильника.

Пожав плечами, она не торопясь ответила: – А что, должна? Уроки давно кончились.

– Да я не о людях. Никакие, кхм, темные существа не проползали?

Та не изобразила ни малейшего удивления. Можно подумать, это самый обычный вопрос, с которым она сталкивается ежедневно: – Младшие классы уже давно спят в своих кроватях, какие тут темные существа?

«Да ты сама похожа на чучело» – подумал я. Тебя ватой набить, да в музей на экспонат сдать, а то и вовсе в зоопарк, там как раз недостаток в саламандрах.

– Рыжая! – Услышал я позади женский голос, когда уже был готов подойти к той самой, что отдавала приятной бо-

лю в моем сердце. Она стояла у стенда с объявлениями и изучала расписание.

Какое-то время я выслеживал ее, в надежде застать удачное время, но все было будто против меня. Вот и сейчас меня опередила очередная помятая замарашка. Похоже, школа кишит подобными существами. На вид полуэльф. Слабенькая, закомплексованная, я такие вещи за версту чую, да еще и в броне заношенной почти до дыр. Не люблю людей, которые не следят за внешним видом. Сразу видно, что таким просто неинтересно жить и бороться, а экипировка у них для вида. Еще и склянки какие-то на поясе, видимо для поддержания своей жизнеспособности. Жалкое зрелище.

Да и подобное неуважительное обращение к такому светлому существу еще поискать нужно. Что за кличка такая поганая – Рыжая? Звучит дешево, грубо и поверхностно.

Я не слышал, о чем они беседовали, толпа заглушала эти звуки. Впрочем, она не была бы мне интересна, но я заметил ее мимолетно брошенный взгляд в мою сторону. Глаза, имевшие тусклый оттенок карие, оставались без какого-либо блеска.

Это нельзя назвать случайностью. Неужели... она что-то знает? Нет, исключено. Это все плод моей фантазии. Легенда всегда передавалась в нашей семье приватно, мы не распространяли подробности даже среди родственников. Даже Полине я обрисовал все общими фразами.

Я не должен давать слабину в своих убеждениях. Взгляда

не отводил.

Даже отвернувшись, я чувствовал ее необоснованную враждебность по отношению ко мне. Видимо, ревность заиграла. Ее ожидания – ее проблемы. Я уже закинул удочку. Мне ничего не стоит завладеть сердцем юной принцессы. Ни одному дракону не остановить меня.

Приманка сработала мгновенно.

Она на следующей же перемене подошла ко мне и поднесла ладони, в которых лежал ученический билет: – Это твое?

Сначала я будто не понял вопроса, будто растерялся от увиденного, а потом так ярко удивился, что чуть челюсть не отпала. Даже не забыл быстренько проверить все карманы. Я долго продумывал этот план в голове, потому не упускал ни одного пункта заданного алгоритма. С математикой у меня все в порядке, как ни крути, да и с логикой тоже.

– Ох, надо же, кажется, я не заметил, как посеял его. Где ты его нашла?

Та в свою очередь смотрела куда угодно, лишь бы не на меня. Что ж, мне предстоит многое в ней изучить.

– Он на полу валялся... в коридоре.

– И ты его заметила? Какое удачное стечение обстоятельств! Ты, наверное, очень зоркая, да? Как жаль, что я такой растяпа.

Пожав плечами, она заметно сконфузилась: – Бывает... наверное...

«То, что нужно» – подумал я. Мои опасения остались по-

зади, она простенькая, лишенная пафоса и стремлению к доминированию. С такими девчонками просто разговаривать. Они не будут навязывать тебе свое особо важное мнение и не мнят себя пупами земли. Таких, как она, и очаровывать свитками не нужно. Как только она увидит меня настоящего – сама поймет с кем ей действительно стоит дружить. Вот оно – настоящее счастливое стечение обстоятельств. Подлинная оказия! Мы нашли друг друга вот так просто!

– Нет же, точно говорю. Я вечно все теряю и роняю. За мной нужен глаз да глаз. Слушай, я даже не знаю, как тебе выразить свою благодарность.

Девушка неловко мялась, бегала глазами туда-сюда, трепала выбившийся из пучка медный локон. Комплекентами не избалована, это льстило.

– Да я просто карточку подняла. Пустяки.

Я улыбнулся: – Тебя как зовут-то хоть?

– Маша.

– Меня – Илья. Хотя, ты это и так уже знаешь.

– Я не вдавалась в информацию. Только по фото узнала. – Смутьившись, проговорила она. Ей будто было неудобно, то ли от моей компании, то ли от свитера, из которого торчали тонкие ворсинки синтетической шерсти. Такие вещи неприятно раздражают кожу. Зачем носить такое неудобство? Впрочем, это делает ее еще более нежной и чувственной. Жаль, я не могу наложить заклинание против неловкости ситуации. Статов не хватает, да и ветка развития не предполагает. Маг

из меня никудышный, конечно, врожденных способностей нет. Знаю, что барды с этим неплохо справляются, но этих клоунов я не уважаю. Никакой пользы.

– Ой, да брось, у меня нет никаких секретов.

Маша заметно расслабилась, но не переставала теребить лямку своей потертой почтальонки. Какая-то странная у нее манера одеваться. Она не кажется бедной, но мода ей явно чужда. Косметикой тоже не пользуется, но меня это только подкупает. Не люблю, когда человек «надевает другое лицо». Полина любит борщить с тенями и тушью. Компенсирует узкий разрез глаз. Пытается казаться, красивее, чем она есть, но тем самым только отталкивает от себя друзей. Ее неискренность буквально отражена на ее лице.

– Ладно, я пойду.

– Что ж, увидимся. Я надеюсь.

Она кивнула вместо должного прощания.

Не могу сказать, что получил удовлетворение от произошедшего. Я дал ей уйти на этот раз. В таком деле важно терпение. Излишний напор будет только во вред. Меня с самого детства учили тактике. Убив главного антагониста, я еще больше поднимусь в глазах окружающих. Должен признаться, предназначение избранного – хороший инструмент во многих делах. Кучу проблем решает. Главное, затаиться и не выходить на тропу раньше предназначенного момента. Ждать я умею.

Домыслив это, время будто замедлилось.

Я смотрел ей вслед. Ее силуэт начал расплываться. Я проморгался. Словно, остатки бывшего зелья выыграли во мне, но нет. «Слух» быстро выводится из организма, поэтому считается одним из самых безопасных допингов. Его даже какое-то время без рецепта в аптеках продавали. Это не усталость. Спал я сегодня крепко.

Она не успела скрыться за угол лестничной площадки, но я уловил эту темную рассеянную дымку, похожую на копоть из печки. Безлюдно. Ее никто не мог видеть кроме меня. Я почему-то был уверен в этом.

Еще один знак, адресованный мне.

Это... Зверь.

В последнее время Антон досаждал мне не меньше, чем Полина. Правда, у той была какая-никакая мотивация – осознанный самообман. Что происходило в его голове – одной Вселенной известно, в которую он безоговорочно верит.

Вообще, я не люблю говорить на эту тему, но охотно рассуждаю в кругу равнодушных. Кто-то свято верит в нее, накапливает опыт во имя ее одобрения и строит алтари для снисхождения. Кто-то представляет ее в виде всемогущей девы, у которой в одной руке – меч, а в другой – земной шар, а кто-то бестелесным существом с неясными намерениями. Ясно одно, ее существование нужно для людского успокоения. Во имя осознания того, что твоя жизнь проходит не зря и Вселенная наблюдает за твоими действиями, не упуская

возможности возложить на тебя какой-нибудь план.

Этого добра во мне и так хватает.

За последние произошедшие события моя инициатива увеличилась на два стата, а вот сила как оставалась на отметке 3, так и не думала сдвинуться с места. Значит нужно приложить как можно больше усилий. Это не так сложно, как может показаться на слух.

Пока я отработывал удары на тряпичном чучеле в неурочное время, Тоха стоял над душой и выкидывал какие-то неуместные советы. Травил байки так, будто они кому-то интересны. Набитого ватой, мнимому врагу, разве что. По-хорошему, послать бы его куда подальше, да больно боец хороший. Мало ли что толковое подкинет. Я пытался представить своим противником ту девку, что встретила меня в ночи. Я в сердцах называл ее «дохлой». Однако, учитывая внешние обстоятельства, в мыслях был колупающий мозг собеседник.

Сначала я был меток, но шкала выносливости постепенно источалась. Схалтурив, я выронил тренировочный меч, на что тот не упустил своего шанса: – Ну, куда ж ты целишься? Видишь, ты попадаешь ниже намеченной цели. Бери выше, значит.

– Гениально. – Огрызнулся я еле слышно. – Сам знаю.

– Знаешь, но не делаешь. Руки у тебя слабоваты. Попробуй держать на весу табуретку. За одну ножку. Прямо и долго. Лишним не будет. Терпение прибавится.

Я сплюнул в траву. Там находился какой-то небольшой

лут, похожий на медные монеты. Теперь они не достанутся никому. Если только одна из тех замарашек не побрезгует ими завладеть. Я даже самодовольно хмыкнул от этой мысли. Это как можно дойти, до какой ручки, чтобы брать, что придется?

Вообще я заметил, что девушки в нашей школе делятся на два типа: те, что забили на себя и те, что только и думают о своей обертке. Золотую середину я не увидел даже в Маше, но она, хотя бы, не напускала раздражения, пусть и терлась по углам и вела себя как мышь.

– Ты напрашиваешься на «Забвение».

– А что, все-таки такое зелье существует? Я думал это миф.

– Миф. Да что толку? Вон настоящие маги существуют, но вечно играют в какую-то мистику. Могут любую сказку сделать былью. Колдовать для них обыденность. При всем при этом, сколько в мире нерешенных загадок, легенд и сказок. Видите ли, не могут доказать научно, не хватает аргументации. Пишут диссертации о влиянии магии на общественную безопасность и работу СМИ, но даже здесь кастуют сплошную воду.

Тот с шумом втянул свежий воздух: – Да, дела. Но, может, так даже интереснее? Типа, есть о чем порассуждать. Можно создавать новые технологии. Изменить что-нибудь в ходе истории. Не думаю, что они это делают не специально. Может, у них какая-то общая договоренность, или неразглаше-

ние. Бородатые дядьки в колпаках те еще затейники. Может, усложняют, чтобы младшему поколению жизнь медом не казалась.

На улице стояла бодрящая прохлада от прошедших недавно дождей. Последние на сегодняшний день лучи солнца отражались на зеркальной поверхности воды, разбросанные в глубоких впадинах асфальта, а небо окрасилось в яркий оранжевый оттенок.

– Эх, я никогда не видел магов. – Продолжил он. – Даже не знаю, почему они мне представляются дряхлыми стариками. А ты их встречал?

Я пожал плечами. Эти «возвышенные» меня никогда не интересовали. Никогда не понимал: Как можно обладая большой силой ничего не предпринимать в этом мире.

Вот бы иметь сверхсилу, я бы столько всего попробовал... Даже не знаю, что конкретно. Просто начал бы с того, что первое пришло в голову.

– Не. Да и к черту их. Не люблю бесполезных. Столько лет отдать науке, чтобы в итоге сидеть в кабинетике и клацать по клавиатуре, обучая студентов такой же жизни. Не уважаю это.

– Не думаю, что они совсем не приносят пользы, что-то же они все-таки делают. Можно спросить кого-нибудь, может, у кого родители работают в этой сфере. Хотя, подожди! А Полинка не маг? Она вроде обладает какими-то способностями.

– Только учиться. Как экзамены сдаст, еще лет пять проучится, если на бюджет поступит. А там практика года на два, магистратура, аспирантура.

Он присвистнул: – Тяжко.

– То-то же.

Я наносил удар за ударом, они отдавались по округе глухим эхо. Деревянная палка, на которую была насажена мишень, медленно, но верно источалась. Щепки сыпались на землю, ткань рвалась на нитки, обнажая мягкую набивку.

– А зачем тебе «Забвение»? – Спустя небольшой промежуток времени, спросил он, лукаво прищутив глаз и скрестив пальцы, словно «Крестный отец».

На что, отдышавшись, я ответил: – Если легенды не врут, то во второй раз увидеть Зверя невозможно. Может, колбочка с «потерей памяти» решит эту проблему.

– Типа, если ты придешь еще раз, в случае провала миссии, то он тебя не вспомнит? Хитро-хитро, хоть и плохо представляю, как это может выглядеть. Ты думаешь, он ее выпьет?

– Нет, конечно. Я даже не знаю, существует ли у него пасть. Ее достаточно кинуть. Память стирает именно газ, исходящий от жидкости. Главное, чтобы в голову попало.

– Что ж, картина прояснилась. Звучит замудренно, но интересно. Хорошо, что ты додумался до этого.

Я не стал говорить о том, что это очередная идея Полины. Упомяну это, если план провалится.

– Да, это могло бы помочь от гибели. В войне все средства хороши, но все же следует сохранять голову в холоде и пеньять только на себя. Это не та ситуация, где стоит верить в чудо.

Антон вдумчиво всматривался в окрасившийся теплыми оттенками небесный свод. Вероятно, обдумывал ответ, но учтиво молчал. Правильное решение. Хороший он все-таки тактик. Знает, что игнорирование – лучший ход.

Скитаясь по школе в столь позднее время, я не слышал ничего кроме своего дыхания. Снова. Правда, зелье больше не пил. Надоело искусственно уставать в неподходящее время.

Как назло ни одного следа. Даже былой дымки не казалось. Мне даже нечем подкрепить свою уверенность в столь непростое время.

– А я говорю тебе, что Зверя не существует. – Незадолго до этого вечера меня поддразнила Полина.

Она всегда вела себя как похотливая кокетка, которая вот-вот выпрыгнет из своей белоснежной блузочки. Никакого чувства такта. Сплошная пустота в голове. Ну, вот какой из нее маг? Волшебники способны воздерживаться от чувств, соблазнов и прочего мирского годами, она же и десяти минут не выдержит в одиночестве. Подумаешь, когда-то давно ее родители увидели в ней потенциал в решении сложных схем. Видите ли, умеет читать старое наречие, на котором,

предусмотрительно, написаны свитки с фармакологическими рецептами.

Сейчас, когда знание стало общедоступным при появлении всемирной паутины, оно утрачивает свою актуальность. Пусть и не самые редкие, но некоторые тексты все же переводятся на современный лад, а поиск необходимых ингредиентов – дело одного щелчка мышки. Открыть навык «зельеварения» не составляет большого труда даже для меня, но надо же, хотя бы иногда, уступать дорогу проявляющему инициативу, даже если она наказуема.

– Ты опять начинаешь? – Съехидничал я в ответ. Даже ругаться не хотелось. В последнее время я только и делаю, что огрызаюсь с ней, надо чуть-чуть умерить пыл, а то обидится еще.

Она блаженно улыбнулась: – Вот люблю, когда ты не пытаешься строить из себя серьезного взрослого. Твой папа тебя хорошему не научит.

Я тут же принял оборонительную позу, скрестив руки на груди: – Мой папа самых честных правил, понятно?

– Ага, – не унималась она, цепляясь на верхнюю пуговичку острыми ноготками, – чеснок тот еще. Впрочем, все мы не без греха. Не так ли?

Я не ответил на ее подмигивание.

– Давай поговорим о чем-то более интересном?

Послышался тяжкий вздох: – У меня тут в карточках два новых чудовища появилось, хочешь посмотреть?

– Нет.

– Ах, как жаль! – Ответила она, пытаясь сдержать смешок. Ей нужно отдать должное, она отходчивая и не мстительная: – Тебе ведь это совсем не интересно? Забава для детей, да? А мне все-таки нравится. Ничего не могу с собой поделат! Приятно видеть и ощущать многолетние труды поиска. Я тебя разочаровала? Ох, прости, это повторится.

«Да я и не очаровывался» – иронично подумал я. Вслух же сказал: – Не сомневаюсь.

– Ну-ну. Не такая уж я и плохая. А чудовища-то стоящие. Гляди, эта птицеподобная кошка – Семаргл, а вот эта непонятная штука, похожая на небольшой ураган из которого торчат ветки – Зеркало мира. Ее на старом наречии Зеркалицей называют. Оба древние. Первая штука какая-то непонятная и не дает никакой пользы, а вот вторую можно победить в квесте, тут недалеко, но дух хитрый, любит перетасовывать факты.

– Дух-мошенник, значит. И что победа даст?

– Как что? Опыт!

– Хм, лучше бы броню дала, да понадежнее.

Она с тоской выдохнула: – Я тебя совсем не понимаю.

Я не поддамся на эту провокацию. Пусть думает, что хочет. Не люблю эти пустые разговоры ни о чем.

Маша снова сидела в углу. Без компании, тоскливая, одинокая. Мне хотелось подойти и приобнять ее. Вокруг было слишком много шума, и надоедливая одноклассница, сидев-

шая рядом, только больше колупала мозг.

– Я тут недавно видел знак.

– Какой? Вопросительный?

Я вздохнул и посмотрел на нее исподлобья: – Издеваешься?

– Не, это Васильев с параллельки. Он всегда ходит в кофте с этим крючком. Раздает советы и квесты. Благословляет на подвиги, лут дарит. Полезный малый.

Закатив глаза, я решил не продолжать эту бессмыслицу: – Зверь, говорю, знак мне подал.

– И что же это?

– Я видел черную ауру в стенах школы.

– М... А самого Зверя? Ах, ты же жив. Значит, не видел.

– Значит, увижу. – Я был тверд и решителен настолько, что собеседница потеряла дар речи.

– Жаль, ты не всегда такой настойчивый.

– Тебе следует думать о «Забвении». Хотя эта штука никаких знаков существования не подает, в отличие от «моих предрассудков».

– Он есть! Я знаю, что в учительской спрятан свиток, но не получается его добыть. Я уверена, что его можно научиться готовить.

– Главное, чтобы оно действовало.

Она еще больше поникла.

– Ты во мне сомневаешься?

Ах, черт. Опять эта игра. Я натянул улыбку до ушей: –

Конечно, нет, сахарок.

Та в блаженстве покраснела. Хорошо, что я ее знаю как облупленную. Просто озвучил то, что она хотела услышать. Так наш разговор и завершился.

Правда, Зеркало мира меня все-таки заинтересовало. Я, будучи учеником младших классов, как-то читал в одной сказке про это старинное существо. Оно показывает будущее того, кто с ним заключит союз. Заманчивая и пугающая одновременно вещь. Такая же, как эта тишина в темных тонах осеннего позднего вечера.

[Чего же ты ждешь?...] – внезапно всплыло у меня в голове. Нет, это не могло быть ошибкой. Я не знаю, как Маша связана с этим, но я точно знаю – мне не показалось.

Первый этаж, второй, третий. Пустота. Время длилось все медленнее, тишина вгрызалась в мозг, оставляя внешнее раздражение и вырисовывая иллюзорные возможности.

Я могу умереть...

Не устранимся. Не получить большой урон. Я ведь по-настоящему могу умереть. Могу... не выполнить своего предназначения...

Вспомнив все усмешки моих друзей, я, стиснув зуб, запустил кинжал в стену, не боясь оставить заметную царапину.

Я даже вслух огрызнулся, чтобы выпотрошить остатки неуверенности в своей башке.

– Что ж ты так, – послышался знакомый голос позади, – такую дорогую вещь в пустую тратишь.

– Опять ты?!

– Опять я. – Невесело хмыкнула «лишенная жизни».

– Зачем ты здесь? На часы смотрела?

– Чаще твоего смотрю. Мои цели тебя интересовать не должны.

– Нет уж, будь добра, объяснись.

– Не собираюсь.

Я разозлился еще больше и направил оружие в ее сторону.

– Уверена, что не хочешь?

Она не колебалась: – Ага.

Я не ожидал такого малодушия. Совершенно не рассчитывал на такой ответ. Почему она... не боится меня?

Мое дыхание становилось все громче, а сердцебиение учащалось. Дура... Мне же ничего не стоит устранить тебя!

– Ну, что? Устранять меня собрался? – Продолжила она и что-то нащупала рукой. Тень от стены перекрывал отсвет окна и потому я не мог разглядеть, что она пытается предпринять. Вообще, я слабо различал ее. Узнал лишь по голосу.

Это вызов? Что ж, сама напросилась. Сделав несколько глубоких вдохов-выдохов, я подбежал, чтобы нанести удар, но меня остановила резкая боль в груди.

Стальной дротик...

Одно сердце в этот же момент раскололось.

– Арба... лет?...

– Ага.

Я упал и потерял сознание. Дыхание замедлилось и про-

пало на некоторое время. Пока я спал, оно восстановилось.

Я не видел снов. Я просто уснул и проснулся снова, потеряв драгоценные ресурсы.

Я бы не задумывался о бездарно пропавших часах, пока меня не было, но кое-что меня смутило. Готов поклясться, кто-то давил на мою грудь. Специально. Это не была человеческая рука или нога. Нажатие не имело цели устранить меня еще раз. Оно просто... было, не знаю, как объяснить по-другому. Некоторые вещи просто существуют, чтобы быть массовой. Чтобы не иметь значения, в сравнении с другими, более важными событиями, как отвлекающий маневр.

Я помню, что кто-то дышал мне в лицо, будто пытаюсь прощупать в сознании ли я.

Дыхание не имело неприятного запаха, но чувствовались теплые и влажные потоки воздуха. Что-то капало. Я думал, меня вот-вот съедят, но я остался сух и цел.

Фантомная боль поглотила меня.

Судорожно щупал себя. Кинжал был на месте. Монеты пропали. Черт с ними. Пусть подавится, ей явно нужнее. Пусть новую юбку себе купит, та на нитки рвется, как соломенная корзина.

Я больше думал о тех ощущениях, если они, конечно, были и мне действительно не показалось...

Было ранее утро. В коридорах никакого признака жизни. Черт, я ведь даже не сохранился. Да и не мог. Отец говорил, что функция появляется только у тех, кто сомневается в соб-

ственных действиях. То есть, это зависит напрямую от ментального состояния, как и многое в этом мире. Даже легкое пробуждение от потери сердца возможно при высоком уровне устойчивости. Я не мог себе позволить сходить с пройденного пути. Он всегда верен. Но опыта боя не хватает. Дрянь, а если бы у меня не осталось сердец вовсе?

Я шел, опираясь о стены, царапины на которых уже растворились в текстурах, будто никогда и не были нанесены мной. Проворачивал в своей голове все возможные теории. Меня одолела такая леденящая дрожь, задевающая даже кости. Моя душа никак не могла успокоиться. Не от потери сердца, нет. Это был страх. Неосознанный.

Все тело изнывало от пронзающего насквозь холода.

Как вообще выглядит Черный Зверь? Никто не знает. Да, дымка была соответствующего цвета, но какой конкретно это зверь?

Зверь ли?...

[Чего же ты ждешь?...] – говорил он человеческим голосом. Или же, быть может, мое сознание само перевело его хрип в тот язык, что был понятен мне.

Само нажатие по силе, твердости и размеру походило на крепко сжатый кулак, но мягкий, без костяшек, с подушечками и когтями, как у хищников.

В конце концов, я сделал один вывод: если это действительно была лапа, то больше всего она походила на собачью.

Глава 2

Всю следующую неделю я будто случайно сталкивался с Машей. Здоровался, махал ей рукой, посвящал ей различные сигналы дружелюбия. Она кивала мне в ответ, пусть и не сразу. Смотрела по сторонам. Когда понимала, что опасения напрасны и жесты адресованы ей, следовала взаимная отдача. Этого было достаточно. Главное, чтобы она не забывала обо мне.

Чуть погодя, я догнал ее, когда та выходила из школы. У меня было немного времени перед тренировками с Тохой. Не помешает сдвинуть телегу с места.

– У вас занятия кончились? – Начал я после приветствия.

– Да, а у вас нет?

– Тоже, но мне надо пойти на фехтование. Пытаюсь проникнуться духом поединков. Вот, хочу прокачать навык.

Она покивала головой, не упуская из рук лямку сумки: – Звучит хорошо. Жаль, я ничего не понимаю в этом.

Случилась неловкая пауза. Да, она оказалась не слишком разговорчивой. Я ожидал, что она хотя бы коротенькими шажками будет идти навстречу.

– Ты же была на олимпиаде по алгебре, да?

Маша одобрительно кивнула: – Пришлось.

– Аналогично. Не люблю эти пассивные соревнования.

– Вот как...

– Говорят, скоро придут результаты. Что думаешь?

– Вряд ли что-то изменилось по сравнению с прошлым годом. – Пожав плечами, проговорила она. Сама же смотрела куда-то в пол, будто выискивая лут в кустах. Не думаю, что она интересуется наживой. Так, неуверенное стеснение. – Я снова буду в первой тройке, и меня пошлют на городское соревнование.

– Вау, ты так уверена в этом? – Я и в самом деле был удивлен. Такое безразличие к происходящему, а какие грандиозные планы.

– Проговариваю пройденный сценарий.

Наши глаза встретились.

Она не была пустой, но усталость в ней присутствовала. Наверное, ее не устраивала возможная в дальнейшем перспектива.

– Даже если так, разве это не хорошо?

Та поникла еще больше: – Не знаю. Такое чувство, будто меня используют как инструмент.

– Для самоутверждения?

– М-м-м... Да. Думаю, это подходящее слово.

– Как я тебя понимаю.

– Правда? – Она оживилась, но все же отнеслась к моим словам скептически.

– Конечно. Я – отличник. Иногда мне кажется, что школа за меня всеми силами цепляется, лишь бы не упустить шанс

впихнуть меня куда-нибудь. Возлагают на меня всякое, а я оправдываться должен.

– Тяжело тебе.

Не совсем ожидаемый ответ, но я не растерялся: – Да я не жалею. Что поделывать, общая успеваемость влияет на авторитет школы. Сколько таких по всему городу. Трудно удерживать статус «почетного примера» для всех. Вот и извиваются, как только могут. Разве ты не считаешь также?

Она снова пожала плечами: – Не задумывалась над этим.

Разговор снова заходил в тупик. Времени еще оставалось, поэтому я не терял решительности: – А чем ты интересуешься?

– Хм, ну, мне нравится история и география.

– Нет, я имею в виду что-то не школьное.

Маша немного подумала: – Люблю сидеть у берега озера и ловить рыбу.

Ловить рыбу? О, Вселенная, что за бред? Разве девочка с таким хрупким телосложением может просто сидеть и удить добычу? Я молчу о том, ловила ли она вообще что-либо в своей жизни. Скорее всего, она это сказала метафорически. Да, это больше похоже на шутку. Я выбрал самый нейтральный ответ из всех возможных: – Наверное, это не самый активный досуг.

– Уединение – тоже хороший навык. Неплохо тренирует усидчивость и терпение. Чтобы выловить одну рыбу, нужна куча манипуляций. Тут и подкорм заранее, и настройка ин-

струмента, и должная тишина...

Я будто в параллельную реальность попал. Такого диссонанса я еще никогда не испытывал. Я никак не смог связать эти два образа: она и рыба. Мне казалось, что такая девушка сидит у окна, читает стихи о возвышенном чувстве, да содержит дом в чистоте в угоду половинке. Впрочем, я не могу сказать, что внешность обманчива. Наверное, на всякое правило есть исключение. Никто не отрицает и вполне размеренный быт в ее жизни. Может, рыбалка это малая часть того, что она умеет.

Да и человек склонен меняться со временем. Пусть она сейчас с боевой живностью рассуждает об этом, завтра она может и не вспомнить об этом. Вкусы временны. Досуг ограничен.

Ну, и раз уж зашла речь о тренировке, самое время сделать прямое предложение.

– Слушай, Маш, а не хочешь пойти со мной? Посмотришь на наши потуги выбить вату из чучела, а я с тобой подольше время проведу.

– Время провести? Зачем?

– Да вот нравишься ты мне.

Она впервые внимательно посмотрела на меня, но ответа не следовало. Между нами проходил медленный поток ветра, усугубляя и без того неловкое положение.

– Ты не подумай, я не маньяк. – Я, наверное, поторопился, но мне следовало как-то разогнать эту смущающую тишину.

– Да я и не думала... – Маша снова что-то искала в траве взглядом. – Я думаю, что это слишком интимный процесс. Может, в другой раз?

Тут уже я потупился: – Хм, ну ладно. Жаль, конечно, я надеялся перед тобой похвастаться своей подготовкой.

Та в ответ тяжело вздохнула: – И все-таки не сегодня. Меня дома ждут.

– М, ну, что ж. Ладно. Нет, так нет. Было приятно с тобой поговорить.

Она поклонилась: – Да, мне тоже.

– Но ты все равно приходи.

Кивнув, Маша пошла своей дорогой.

Не люблю, когда планы рушатся. С другой стороны, не все сразу. Пусть это будет мне уроком. Нужно быть дальновиднее. Я недооценивал ее. Теперь я знаю, что она способна на отказ. Это перечеркивает некоторые пункты в плане, но не смертельно. Ситуация может исправиться в любой момент. Просто стоит научиться быть настойчивее.

Повернувшись лицом к школе, я заметил в окне знакомый силуэт. Черт, та девушка. Она смотрела прямо на меня. Не улыбаясь, не хмурясь. словно следила за мной.

Я побежал быстрее, чтобы застать ее, но, увы, ее и след простыл.

Ничего, доберусь до тебя еще...

– Я вот все думаю... – Начал Антон и я тут же закатил

глаза. Кое-как сдержал «цок». Все, как всегда: очередной неуместный комментарий в самый разгар отработки навыка. – Вот если Вселенная бесконечна, может, ей нет никакого дела до нас?

– Ты ее представляешь чем-то обволакивающим, нежели в виде богини?

– Да. Как-то не вяжется это распространенное: «Она создала нас по своему образу и подобию». Иначе бы у нас не было бы такого видового разнообразия. Просто все были бы девочками. Да и первый человек, вроде как, был мужчиной. Глупо как-то. А вот как всемогущее бестелесное существо, которое может и проклинать, и благословлять – имеет смысл.

– А ты думаешь, оно существует? – Тот в ответ пожал плечами. – Ой, только не говори мне, что ты один из этих.

– Из каких?

– Которые олицетворяют ее как что-то вышестоящее над нами.

– А почему нет? Такую точку зрения нельзя отрицать.

– Даже если она ошибочна?

– Откуда ты знаешь наверняка?

Я тяжело вздохнул. Есть ли смысл объяснять ему? Все равно не поймет. Мозгов не хватит.

– Ну, сам посуди, если она есть, почему нет ни единого доказательства ее существования?

– А как же чудеса? Как же артефакты и магия?

– Какой там. Все сделано рукой обычного человека задол-

го до нас. Это создано ремесленниками, вкладывались чувства, желания, сокровенные мысли. Что придумалось – то осуществилось. Снежный ком, который проделывает большой путь с горы, обрастает толстым слоем и становится лавиной внушительного размера. Одна снежинка может быть причастна к разрушению целого поселения. Также и с магией. Это закономерность, физика и химия. Слова, случайно сказанные с целью получения желаемого, записывались и составлялись в книгу. Чудо же – просто удачно сложившееся стечение обстоятельств, которое бывает редко, но все же случается. Вот и все ответы на вопросы.

– Эх... – С грустью выпалил он, почесывая подбородок.

– Чего грустишь? Можно подумать, ты сам этого не знал.

– Знал, конечно. Просто так все волшебство пропадает.

– А ты как хотел? Надо же когда-то взростеть.

– Да никто ж не спорит, но что зазорного в том, чтобы, будучи большим и здравомыслящим, верить во что-то высшее?

«Да ты издеваешься?» – подумал я. Я же тебе только что разжевал всю информацию и положил в твою голову. Тебе остается просто принять услышанное и молча обтекать. Будто с чучелом беседую. Никакой эмоциональной отдачи...

– Надо надеяться на себя и пенять за свои ошибки. Нет никакого везения и неудачи. Нет никакого благословения высшего или проклятия. Есть ты сам, и никто больше. Ты – мир, понимаешь? Ну, или Вселенная, если так угодно. Вот

и все. Ты родился для того, чтобы сам писать свою жизнь. Получать должное за промахи и хорошие дела.

Небольшая пауза.

– Я, конечно, тебя уважаю. Да и мнение твое со мной созвучно. Честно. Но я все-таки хочу верить, что нас хоть кто-то оберегает.

– Как знаешь. – Я не стал продолжать этот бессмысленный диалог. Эта реплика меня так раздражала, что последующие мои слова могли бы превратить все в конфликт. Разжевывать человеку, объясняешь, в итоге получаешь такое пренебрежение. Ненавижу. Вот поэтому я не люблю разговаривать на такие острые темы. Да и сейчас мне нужно то, в чем он разбирается, а именно в стратегии: – Слушай, а ты когда-нибудь с девушкой встречался?

– Ну, я гулял с парочкой.

– И всего-то?

Тот покраснел, скрестил руки и вздернул нос: – У девушек в таком возрасте какие-то размытые стандарты красоты. Чему тут удивляться?

Я осмотрел его с ног до головы. Да уж, действительно. Стат харизмы у него явно в минусе. Он настойчивостью явно не отличался. Такой будет своей половинке все с рук спускать, лишь бы та от него не ушла.

– Ладно, тогда, ты мне вряд ли поможешь.

– А что ты хотел?

Вот же липучка.

– Да неважно уже.

Похоже, он складывал в голове заданные цифры и задача решилась: – А у тебя появился, что ли, кто-то?

– Да. – Спокойно, но не без гордыни, ответил я. Мне так хотелось показать первенство перед этим утырком. Да и доказать самому себе, что хоть в чем-то я сильнее его, ну, помимо знаний.

Тот присвистнул: – Эх, завидую. Я бы тоже с кем-нибудь романы покрутил. Девочки, конечно, красивые, но очень вредные, как одомашненные цветочки. Зато форм и видов миллион – только деньги плати. А как она выглядит-то хоть?

Я засмеялся: – Как девушка.

– Ясен красен! Она какая? Светленькая? Темненькая?

– Рыжая.

– Эх, любимый цвет. – Антон, о чем-то размышляя, смотрел в небо и покусывал губы. – А рост, у нее, какой?

Это начинало раздражать. Так хотелось сказать: «Да тебе-то что, свинья? Тебе такое и близко не светит с таким-то отношением. Одомашненные цветочки... Тоже мне. Тут не у девушек что-то не так со стандартами красоты, а у тебя» – да больно грубо, сам знаю это. Да и вообще выглядело это как-то потребительски. Надо ценить за внутренние качества, а не за внешние данные. Простые истины. Так ты даже их похерил.

Да и что это за вопрос такой дебильный? Я ее что, линейкой мерил?

– Ну, до плеч тебе достанет.

– Эх, любимый размер! Везучий ты засранец! Такой джекпот сорвал!

Мне от всего сказанного даже умыться захотелось. Так тошно от его слов стало. Это же надо умудриться так опозилить столь чистое и невинное создание!

– Не жалуясь. – Сквозь зубы процедил я.

– Кстати, о джекпоте. Мы в следующую пятницу после уроков собираемся поиграть в «Обличи дурака», присоединяйся, девушку с собой бери. Обещаем культурное мероприятие и никаких nepотpeбств. Только чай, карты и анекдоты категории «Б».

– Эти анекдоты уже похабщина.

– Зато со вкусом!

Ага, знаю я этот вкус...

– Ладно, насчет девушки не обещаю, ее это вряд ли заинтересует, но я свою возможность надрать вам задницы не упущу.

– Во! Шикарнейший подход!

Я ходил по коридорам с наименьшим воодушевлением. Не таким, как ранее.

Утешая себя мыслью о том, что это связано лишь с затянувшейся тишиной, легче не становилось. Миссия затягивалась. Впрочем, я и сам медлил. Неосознанно.

Я никак не мог понять случившееся. Меня трясло.

Осознание происходящего всколыхнуло поток мыслей. Чем больше я думал о той злополучной лапе, тем выразительнее она вырисовывалась в моих фантазиях. Она так сдавила мою грудь, что я потерял собственное дыхание, но приобрел чужое. Теперь оно сливалось со мной, заменяя личное, становилось неотъемлемой частью меня. Зверь контролировал мою жизнь. Он позволил мне снова набирать в легкие воздух и бродить в темноте.

На секунду воображение будто превратилось в реальность. Я чуть было не захлебнулся. Ужасающее видение, от которого невозможно избавиться так просто. О нем нельзя не думать. Это как будучи голодным не думать об обеде.

Я догадывался, что мне нужна помощь...

Я не знал от кого ее можно получить...

Как назло даже той «дохлой» девки в застиранной водолазке не было. Может она и есть мой главный антагонист? Оборотень ли? Не знаю, вряд ли. Этот класс – дикари. Они не ходят в школу и уж тем более не бродят по ней в столь позднее время. В полночь от них всегда жуткая линька.

Может, Полина смогла бы что-то объяснить, так я ей обязан буду. Черт...

Я царапал стены, издыхая от собственного бессилия. Руки дрожали, не слушались меня, становились мне чужими.

Это противное дыхание. Мерзкое, теплое дыхание. Пар, влажные, еле уловимые, капли в воздухе. Я чувствовал его глаза. Я знал, что они горели красными огнями, но я не видел

этого. Просто интуиция сама диктовала это.

Мне так страшно, что хотелось съежиться. Какие тут упражнения с табуреткой...

Я шарахался от собственных шагов. Сердце выбивалось из груди. Отец учил меня не падать в грязь лицом. Думаю об этом, и тот сам собой проецируется перед глазами. Я и сейчас вижу его хмурое лицо. Вижу все его морщины, темные круги под глазами, преждевременную седину и венозные руки. Эти строгие черты...

Он много работал, вечно состоял в разъездах, но кормил всю семью. Как положено главе, весь дом держался на нем.

Я боялся его и уважал одновременно. Он с малых лет был строг со мной. Закалял с первых шагов. Даже когда я падал, будучи неуклюжим ребенком, он никогда не поднимал меня и матери запрещал. Я должен научиться вставать на ноги без посторонней помощи.

Всегда, когда я чувствовал бессилие, я представлял его. Отец – моя главная опора, кумир и образец для подражания, как бы тяжело ни было.

– Да как ты смеешь, – будто говорит он, – как ты смеешь создавать такой жалкий вид. Прекращай заниматься дурью! Тебе пророчили стать избранным, чтобы сидеть в углу, поджав хвост?

Он говорил толковые вещи, пусть и через призму собственного малодушия и чопорности.

– Я боюсь смерти. – Как-то решился сказать я. Это старое

воспоминание, многое уже стерлось из памяти, но кое-что таилось в дальних уголках души.

– Значит, надо умереть! Иначе не будет никакого сражения. Сражаться надо уже будучи мертвым, так никакая смерть не страшна.

Легко сказать...

Ах, черт, вот бы знать наверняка, что будет дальше?

Я сидел покачиваясь. Обхватил голову руками и пытался абстрагироваться. Все равно никто не видит, стыдиться нечего.

Перебрав всевозможные варианты, до меня снизошло озарение, словно гром среди ясного неба: «Зеркалица!», а ведь и, правда, я совсем забыл об этом.

На следующий день я одолжил ту карточку у Полины. Она, как ни странно, не упустила своего шанса поглумиться над моей просьбой: – Не такое уж у меня и глупое занятие, не так ли?

Она покусывала губы, вертелась туда-сюда. Ей нравилось играть со мной, но это даже флиртом было сложно назвать. Даже отчитывать ее за такое поведение не хотелось. Что-то было в ней жалкое, но способное к сочувствию. Я знал, что любое мое ласковое слово в ее адрес, будет словно подаяние. Обнадеживать ее не хотелось, но я чувствовал, что для нее это необходимость.

– И такие вещи могут иметь значение.

– Вау, правда?! Я рада, что ты разглядел во мне потенци-

ал.

– Да я и не сомневался в нем. – Я сказал это с безразличием, будто озвучил свои обыденные мысли. Та растаяла. Даже о своей язвительной натуре забыла. Только услышал в ответ короткое: «Ох...», мой план, очевидно, сработал. – Ты мне лучше скажи свое экспертное мнение. Легко ли одолеть эту штуку?

Она в растерянности пожала плечами: – Да сделать-то это несложно, особенно когда он из туманной субстанции преобразовывается во что-то похожее на дерево. Тут в другом вопрос: С какой целью?

– Да так, узнать хочу кое-что.

– А если конкретнее? Не смотри на меня так, я не ради личного интереса это спрашиваю. Это серьезно.

– Хочу... увидеть будущее.

Полина так побледнела, что даже медленно села за парту: – Боюсь, это будет дорого стоить.

Мне не нравился этот тон, но давать слабину чувствам я не планировал: – Неужели, кровью? – Я нарочито гордо усмехнулся, будто пропустил шуточку.

– Это не смешно.

– Да ладно тебе, Поль. Он меня убьет, по-твоему?

– Не убьет, но что-то важное забрать может. Как я и говорила, он очень хитрый и способен вскружить голову. С таким лучше не иметь дел. Забери опыт, и думать о нем забудь.

– Ну, я не внушаемый. Всякого рода попытку мной мани-

пулировкой смогу раскусить. А ежели что, я вроде не нищий, заплачу, чем смогу.

Та что-то засуетилась, скрестила руки, тяжело вздыхала.

– Не знаю. Не нравится мне эта идея.

– Да почему?

– Ходит такая легенда: Если отдать ему свою душу, в качестве платы, оно покажет тебе твою истинную сущность. Ты сольешься воедино со своим отражением и больше никогда не станешь прежним.

– Звучит занятно. Думаю, мое истинное я меня уже настигло. Бояться нечего. Я буду цел и невредим.

Увидев мою беспечную улыбку, она обмякла снова. Видимо, мне удалось ее убедить в собственной беспечности.

– Ладно. Там подписаны статьи, силы у него немного, но проворства хоть отбавляй. Достаточно оружия из не самого качественного металла, но только когда он дерево. Будучи туманом, ну или дымкой, ты его никак не заденешь. В таком состоянии он всегда пребывать не может, так что достаточно только подождать.

– Понятно, значит, главное набраться терпения.

– Вот именно.

– После победы он не устранился?

– Он – дух высокого уровня. Таких просто не завалить. Да и ради пощады...

– ... Попросит заключить сделку? А, ну это я по сказкам помню. Ну, что ж, звучит не так уж плохо.

Она сделала пару томных вздохов и видимо хотела еще раз разубедить меня, но не решилась: – Не забудь про мой «Острый слух» и «Змеиная ловкость». Лишними не будут. И это... Ты мне только потом карточку верни, она эпическая все-таки.

Перед тем, как пойти на квест, я встретил Васильева. Он все также ходит с этим знаком на груди. Странный персонаж: Выглядит невзрачно, стоит в углу и вечно ему что-то нужно. Человек – бесконечный источник предметов. Впрочем, очень полезный. О нем даже говорить ничего не хочется.

– Васильев, благослови меня на подвиг!

– Конечно, только выполни для меня кое-что.

Я закатил глаза. Одно да потому. Вот почему нельзя что-то дать просто так? Ну, или в рассрочку.

– Ладно, что на этот раз?

– Мне математичка задала найти несколько геометрических фигур, закупоренных в магических сферах.

– И я их найти должен?

– Да.

– А взамен что дашь?

– Неплохой короткий меч!

Я сделал тяжелый вздох, будто раздумывая над ответом: – А есть что-то более весомое? – На самом деле я рассчитывал на увеличение статов или улучшение для оружия. Я не был слабым, но лишние поинты не помешают, да и на будущее

пригодилось бы.

Он помялся на месте: – Ну, могу еще свиток «Очарование» дать.

«Прекрасно» – не без сарказма подумал я. И кого мне этим соблазнять прикажешь? Мифическое существо? Вот же жадина, а. Знаю же ведь, что у тебя инвентарь бесконечный, просто дуру из себя строишь.

– Ладно, оставь себе. Как эти фигуры-то выглядят?

– О, они белые, небольшого размера и светятся как пузыри. Тебе их предстоит искать вне школы. – От этих слов я поморщился. Как много мороки, зря я взял дополнение. Надо было сразу на основной квест идти. – Они отмечены на карте, так что прогулка много времени не должна занять.

Эх, делать нечего. Да и опыт лишним не будет.

По дороге я чуть не сшиб светловолосую девушку в расшитом узорами кафтане. Ее я раньше не видел. Та, конечно, не разбилась, но кинематографично обронила все свои бумаги на пол.

– Давай помогу.

Она молчала. Секунду спустя я заметил, что она всматривалась в мое лицо, после чего густо залилась краской.

– Что-то не так? – Продолжил я.

– Ох, э... нет! Все в порядке! Эм, не стоит я...

– Пустяки. – Улыбнулся я. Она в ответ тоже.

Собрав все в охапку, та начала меня бурно благодарить и кланяться. Приглашала попить чай в учительской, но я веж-

ливо отказался и попросился в другой раз, мол, большая занятость и все такое. Не люблю сидеть в этом кабинете. Все учителя на одно лицо. Неуютно.

– Какая жалость! Ах, отличникам никогда не дают ни минуты отдыха.

– Тоже верно, но что поделать, таков наш тяжкий крест. Она хихикала, теребила волосы и крутилась на месте. Кажется, я сумел произвести на нее впечатление. Главное, иметь ровный тон голоса и уверенность в своих убеждениях. Такие мелочи радуют обывателей и препятствуют образованию спора.

– А меня Лариса зовут.

– Илья Силантьев.

– Ах! А я-то думаю, что-то лицо знакомое. Ты у завуча самый примерный ученик, повод для гордости, так сказать. Всегда нахваливает тебя по поводу и без. Я даже злилась сначала, думала, какой тщеславный парень, а теперь вот вижу, что не зря. Приятно с тобой познакомиться.

– Взаимно. – Не унимая улыбки, проговорил я, протягивая руку.

– Н-но ты в учительскую все равно приходи! Мы тебе всегда рады.

– Всенепременно. – Я не верил в искренность ее слов, но и прямо сказать об этом не мог. Не люблю навязчивость. Она, как правило, не имеет ничего общего с разумом. – Ну, я пойду, красавица. Дела не ждут.

Та, в свою очередь, вспыхнула еще большим огнем.

Я заметил свою принцессу около железной дороги. Я решил действовать незамедлительно, судьба не каждый день подсовывает такие знаки, но, увы, ее охраняла ужасная дракониха в потертых налокотниках и безвкусной зеленой рубашке. Я не решился подойти к ним. Знать не знаю, кто она такая, но вид ее мне не симпатизировал. Волосы короткие, потрепанные. Слишком мальчишковая для своих мизерных габаритов. Машу же позову на игру позже, да и фигурки эти злополучные следовало собрать, да побыстрее.

Скрывшись в зарослях, я сделался для них незаметным.

Пусть я и был невольно увлечен этой игрой, у меня не получалось не замечать их. Они что-то так бурно обсуждали, что в какой-то момент я плюнул на этот бред и применил «Острый слух». Мало ли, а предупрежден – значит, вооружен. Да, снова зелье. Этот случай можно считать исключением. Все равно Полина даст мне еще.

Сначала были помехи, как на радио, но потом постепенно этот шум превращался во внятный шепот, а потом и вовсе в членораздельные слова.

Они говорили про уроки, точнее о предстоящей на этой неделе контрольной работе. Маша жаловалась на плохие отметки по литературе, на что подруга лишь жалостливо вздохнула: – У самой не все так гладко.

Бесполезная, как дождь апрельский. И что она в ней на-

шла? Совершенно неинтересная девочка, которая даже себе помочь не может, не то что другим.

Поезд прошел, и они пошли дальше. Я следовал за ними в режиме скрытности.

Далее в диалоге не было ничего интересного. Какая-то бытовуха, предложения погулять, девчачьи мелочи.

Я уже было хотел оставить эту затею, но тут промелькнуло что-то интересное. Я даже оживился.

– Так, значит, дракон существует? – Спросила Маша.

– Ага.

– До меня доходили легенды, но я думала, что это всего лишь слухи. Говорят, дракона видят лишь те, кто лишился всего и терять больше нечего.

– Да, к сожалению, это правда.

Если все то, что она говорит правда, получается, Черный Зверь более чем реален. Не то чтобы я хотел ей верить, но готов поклясться, что она что-то знает. Ее знания могут пригодиться.

– Неужели, ты оказалась в таком положении?

Подруга ответила не сразу: – Я была не в себе, и я...

– Не беспокойся. Ты через многое прошла, так что я не имею права упрекать тебя. Только вот одного не могу понять. Неужели его так просто победить? Это лишено смысла.

– Я бы так не сказала. Его ни сколько можно победить, сколько обхитрить. – Я взял эти слова на заметку.

– А зачем ему пуляться огнем, если он, допустим, может

тебя съесть?

Та посмеялась: – Ты что, у него такие габариты! Я же маленькая. Мной особо не насытишься. Что там есть?

– Ты думаешь, такое существо побрезгует хлебными крошками со стола?

Их смех постепенно превратился в шум, и теперь я не слышал ничего.

Взмах мечом. Свист в воздухе. Клац!

Стальной клинок, что был дарован мне Васильевым, ударился о сухую древесину и тут же потерял первичные стати.

Какой же все-таки бесполезный лут! Надо было все-таки брать это чертово «Очарование», может, помогло бы.

Дерево превратилось в полупрозрачное испарение и витало вокруг меня словно вихрь.

– Давай-давай, юли мне тут. Я тебя все равно подожду. Времени у меня много, а «Ловкость» еще действует.

Дух проносился по округе, выписывал фигуры, словно дразнил меня свои проворством. Я так разозлился, что метнул в него небольшой ножик, что был спрятан в кармане брюк, никогда не знаешь, когда понадобится маленькая помощь. Правда, этот жест он не оценил. Оружие прошло сквозь густой туман. Что ж, чего я ожидал? Более того, после его падения дух изобразил меня, но маленького, который метает этот ножик. Я помню этот эпизод из далекого детства, когда отец подарил этот метательный снаряд. Я им так гор-

дился, что незамедлительно пошел во двор и кидал его куда попало.

– Ах, ты. Значит, тебе и прошлое доступно. Думаешь, это дает тебе преимущество? Ха, мне нечего скрывать. Можешь хоть всю жизнь мою показать.

Тот повиновался и начал описывать другие картины. Я вспомнил, как гулял с собакой по кличке «Шак», которого мне подарили на день рождения. Когда-то давно мы были неразлучными друзьями, но он вскоре умер. Чтобы я не расстраивался, родители тут же подарили мне другого.

Вспомнил, как ломал кости на тренировках, и мать всегда сидела у моей кровати и поправляла мне одеяло. Отец не одобрял такого поведения, но ничего не мог возразить.

Банда соседских детей, что не звала меня с собой гулять. Я так злился на них, что ломал им шалаши и другие сооружения. Делал это тайно, чтобы никто не заподозрил. Скрываясь в зарослях, следил за их реакцией, слушал выкрики досады и хихикал.

Я помню, как впервые ввязался в поединок. Этот хрупкий мальчик, из той же компании, никак не хотел признавать мое преимущество над ним. Он лежал на земле, заплаканный, без какого-либо оружия. Я стоял над ним, не ухмылялся, но и помогать не стремился. Я наслаждался этой ожидаемой развязкой. Раненый, бессильный, не способный брыкаться. Мне хотелось сдавить ногой его грудь, чтобы кости треснули. Быть может так, он понял, какие мучения я испы-

тывал все эти годы, пока был один.

Меня внезапно взяла тоска. Не от прошедшего. Не от осознания несправедливости. Ностальгически.

Странно и глупо это прозвучит, но я... хотел бы еще раз пережить это.

С тех пор так много всего прошло. Я столько переживал родительских наставлений в своей голове: «делай то, не делай это», что и сам не заметил, как чаша моего терпения переполнилась. Догадывался об этом, но не смел себе признаваться. Я понял, что мне некуда деть всю свою накопившуюся энергию. Мне так хотелось вернуться в прошлое и воплотить этот момент снова, чтобы посмотреть в эти, ослепленные страхом, глаза.

Я давно не ощущал той искры внутри меня.

– Ну, что, доволен? – Прошептал туман. Его голос был неясен, как у Зверя. Он просто отдавался в моей голове интуитивно и сам конвертировал его во что-то понятное на моем языке.

– Впечатляет. – Не растерялся я. – Вот только не совсем понимаю, к чему это?

– У твоих воспоминаний о детстве нет цели, они просто показывают, кем ты являешься на самом деле.

– Ох, вот как? Истинное я и без продажи души? А я-то думал тут какой-то сакральный подтекст, а тут вот оно что. Ну, что ж, теперь все стало намного понятнее.

– Ты даже не представляешь, что любое твоё неосторож-

но сказанное слово имеет вес, мальчишка. Я не просто так показал твои внутренности. Я расшевелил твое нутро. Чувствуешь это? Да... Несомненно... Моя задача выполнена, и я уже вижу эту распахнутую дверь, ключ к которой я подобрал.

– А я думал, ты только будущее видишь.

Он постепенно перемещался в другое агрегатное состояние.

– Я вижу все, мальчишка, и даже больше. Я могу видеть и прошлое, и будущее, и настоящее мне доступно. Не только твое, всего живого. Кого только захочешь. Я не так слаб, как ты думаешь, и как тебе поведала та девчонка. Мне все подвластно.

Я сглотнул. Хорошо все-таки быть всемогущим. Разводишь вокруг себя мистику и заставляешь других плясать под твою дуду. Руки невольно затряслись, и я убрал их в карманы, а меч вложил в ножны. Сражаться с ним бесполезно. Полина плохо проинформирована на его счет. Все-таки, лучше надеяться на себя, чем на чужое мнение.

Раз он решил меня развести, я принимаю правила этой махинации. Вот только я сделаю все, чтобы быть в этой игре ведущим.

– Так, может, пойдем на компромисс?

Когда он полностью стал деревом, я разглядел его лицо. Это было недоступно при первом впечатлении. Теперь оно имело простые, но схожие черты под натиском древесной

фактуры. Не человеческое, но очень похожее. Я недооценивал, насколько он внушительен. Ростом в два метра, не меньше. Массивный ствол раздваивался, создавая округлую форму сплетения веток. Он ходил медленно, но каждый шаг поднимал с земли плотный слой пыли. Тяжелый, такого просто не повалить.

– И зачем мне соглашаться на это?

Сделав вдох-выдох, я становился спокойнее. Он чувствует мою тревогу, я знаю это.

– У меня есть то, чем ты можешь поживиться.

– Сделку решил со мной заключить, стало быть. Мой дар дорогого стоит, а твой страх лишь напускная реакция от неприятия своей роли. Да-да, ты не ослышался, ты здесь, потому что ты боишься. Ха-ха. Не могу понять что конкретно, но именно он привел тебя сюда.

– Тебя боюсь. Конечно, ты вон какой огромный! Я ничтожен в сравнении с тобой.

Он посмеялся так, что по всей округе пронеслось эхо: – К жалости взываешь. Или юлишь как дурачок? Твои привычные методы работают на людей и им подобным, но во мне ничего подобного нет. Оставь эту затею. Я слишком стар и многое видел, чтобы повестить на это.

Теперь я был зол. Сжав кулаки, я собрал все наработанное мужество и решился на прямой диалог: – Я хочу знать свое будущее. Чего мне это будет стоить?

Постояв некоторое время в молчании, тот посмеялся сно-

ва.

– Чего смешного? – Продолжил я. Этот тип нравился мне все меньше. Ничего человеческого в нем нет, ага, как же. Полшколы таких самомнительных ублюдков. Сначала зарекомендуют себя как профессионала, а как доходит до дела – первыми, как крысы, бегут с корабля.

– Не так быстро, парень. Ты думаешь, заплатишь цену, и я позволю вот так просто показать дальнейшее? Нет, это не так работает. Я могу сделать это, но ты увидишь абстрактный бред. Чтобы понять видение, тебе сначала понадобится узреть другие вещи. Увидеть то, что стало причиной того или иного следствия. Только тогда тебе откроется это знание.

Еще больше запутать меня хочет, чтобы я заплатил дороже. Нет уж, не люблю агрессивный маркетинг.

– Я выбираю бред.

– Глупец! Ты просишь о том, чего не знаешь.

– Цена?

– Тот маленький ножик, что ты в меня хотел воткнуть.

– По рукам.

Он вновь слился с воздухом, став густым туманом. Быстрым потоком он метнулся вокруг меня и показал картину. Шли сильные дожди, падала лавина с гор, разливалась, разрушающая все живое, лава. Я чувствовал силу и бессилие одновременно. Рядом лежали осколки стекла. Что-то удерживало меня по рукам и ногам. На груди лежала какая-то тяжесть, но это не Зверь. Его вообще не было, ни следа. Я

видел три силуэта, стоявших надо мной. Зеленые, голубые и серые глаза смотрели сквозь меня. С обидой, жалостью и пренебрежением.

Фигуры растворились, возникли руки. Тонкие кисти с длинными пальцами. Они сжали мое горло. Я слышал голос отца: «Тебе следовало умереть». Я пытался что-то объяснить, но тот не слушал. «Ты только и делал, что маялся дурью», с этими словами он будто ушел из моей жизни, но я не чувствовал скорби. Мне стало так легко, как никогда раньше. Осталась жажда мщения, ненависть и злоба. Я невольно издал рык.

Я видел вдалеке еще один силуэт, но незнакомый. Девушка. Одна среди всей толпы, покинувшей ее. Что-то меня влекло к ней. Я протянул руку, чтобы дотронуться, но туман рассеялся.

Мне понадобилась минута, чтобы прийти в себя, да и Зеркалу тоже.

– Ну, как? – Не скрывая мерзкого хохота, озвучил он.

– Обманщик! Не было это абстракцией. Все ясно и понятно. Жулик и мошенник, впрочем, я и не сомневался!

– Правда? И что же ты видел?

Я что-то хотел сказать, но понял, что ничего особенного-то я и не видел по итогу. Невнятные силуэты, голоса, знакомые ощущения, общие картины. Что произошло-то? Чем я огорчил отца? Почему они смотрели на меня, да еще и сверху вниз, как на провинившегося? Что за осколки и чьи

руки я чувствовал на своей шее? А главное: Почему Зверь – я?

Я фыркнул: – Что надо то и видел.

– Ну-ну, – напоследок сказал он, прежде чем слиться с местностью, – не стоит разочаровываться, ты сам выбрал это. Где найти меня ты знаешь. Приходи еще, когда будет что-то ценнее первого подарка от родителей, и я покажу тебе что-то более интересное. Кстати, скоро в твой обитель придет разочарование. Оно неизбежно, как твое естество. Я буду ждать этот ценный момент в жизни любого человека. Нет ничего прекраснее, чем рассеивание колдовства. А ты придешь, я знаю это. Я пронзил тебя, проник в твою голову и уже знаю ответы на все твои вопросы. Я буду рад стать твоим отражением снова.

– Паяц! – Крикнул я вслед дымке.

Ничего ты не знаешь. Юлишь, замалчиваешь, кривляешься, подменяешь понятия. Я не куплюсь на эту глупость. Нечего делать из меня дурака!

Я пробыл все неделю в раздумьях. Бесцельно слонялся по школе, размышлял о всяком. Фантазия вырисовывала мне разные вещи. Я старался думать о главной миссии, но не получалось. Видения мешали.

Как назло отец уехал в очередную командировку. Мать, будучи призрачной девой, сама ходила по дому из угла в угол, словно искусственная NPC. Выполняла свои домашние

обязанности, занималась рукоделием и, будто для галочки и в коде, спрашивала как у меня дела в школе. Отвечал одно: «Нормально», поговорить о большем не пытался. Понимание – не в ее компетенции.

Я не замечал никого. Даже не сразу сообразил, что Полина начала носить шляпу, подобно магам. Это, в каком-то смысле, выглядело забавно, нежели внушало уважение. Видимо, мои слова воодушевили ее стремление к колдовству. Мне это на руку. Сейчас помощь мне нужна как никогда раньше, пусть она только и делала, что жаловалась на недостаток знаний о «Забвении». На все ее капризы я отвечал сухим кивком. Мне бы ее проблемы...

Дабы развеяться, я пошел на пятничное мероприятие. Машу я не звал, хоть и сталкивался с ней до этого события.

Мысли заполняли мой разум, я старался держать контроль и не мяться перед ней, но вышло убого. Мы болтали об учебе, предстоящих экзаменах и прочем неинтересном. Я все крутил в мыслях алгоритм приглашения, но вспоминал поведение Антона и это предложение моментально развеивалось. Хотелось побыть с ней подольше, тем более контакт установлен, но не в такой развязной атмосфере.

Стало хуже, когда я узнал, что уступил ей на олимпиаде всего одним баллом. Одним жалким баллом. Позор. И я был никакой, да и она не рада этому исходу. Видимо, старалась не расстраивать меня. Какая чуткая.

– А можно спросить: Что это за девушка, с которой ты

общаешься? – Я решил перевести тему. Да и знание врага в лицо будет не лишним.

– Саша Зиновьева. Мы с ней в младших классах учились. Дружим давно, а что?

– Да так, ничего. Странная девушка, не так давно за ней наблюдаю, но все-таки. Ходит за тобой тогда, когда ей это нужно. – Она ничего не ответила. Никакой реакции не следовало. Я продолжил: – Точно ли вы друзья?

Маша пожала плечами: – Думаю, да. Она хороший человек. Просто переживает не самые лучшие дни. Такое со всеми бывает.

Я даже умилился с этих слов. Это, конечно, плохо, что она придумывает оправдания для ее потребительского отношения, но приятно осознавать, насколько ее разум не замутнен агрессией.

Когда я пришел в назначенный кабинет, Маша была уже там и снимала верхнюю одежду. Я подумал: «Неужели Антон как-то вычислил ее и пригласил в компанию?», но он лишь пожал плечами. Другие присутствующие тоже. Никто не догадывался, как она узнала об этом. Постучавшись, она просто спросила: «Не тут ли проходит игра?», Тоха же, вычислив свои «любимые параметры» понял, что к чему, уважительно улыбнулся и впустил за стол.

Мне стало как-то неуютно. Она знает, что я часть этой не самой социально ответственной компании.

– Так тебя, получается, Маша зовут? – Спросила девушка, которая училась со мной в одном классе.

Та в ответ кивнула. На лица она смотрела мельком, больше обращала внимание на карты. Их разложили на столе рубашками вниз и тасовали круговоротом.

– А я тебя знаю! – Сказал Антон. – Ты в параллельке учишься в одном классе с Игорем.

Она слегка улыбнулась: – Верно.

– Он все еще не ходит на занятия?

– Ну... да...

– Ой, да ладно! Раз на раз, небось? Балбес! Его так скоро на второй год оставят.

– Не оставят. – Сказал другой парень. – Тот умеет всем зубы заговаривать. В противном случае Машка неплохо справляется, как дежурная в учительской. Надо будет, всегда успеет его скинуть с лестницы.

Вторая девушка глухо хихикнула. Маша, заметно опечалившись, тяжело вздохнула. Мы с Антоном не оценили шутку.

– И правильно сделает. – Вступился Антон, сделав неодобрительную гримасу. – Когда-то же надо тренироваться. И на ком-то.

Наступила тишина.

– Все умеют играть в «Обличи дурака»? – Снова спросила первая девушка, на что мы с Машей отрицательно покачали головой.

– Смотрите, – начал Тоха, – мы перетасовываем все карты и раздаем по две. Из этих двух карт ты собираешь комбинацию. Чем выше нумерация – тем выигрышнее вариант. Масти тоже идут по старшинству: сначала бубны, потом трефы, потом черви, а самая топовая – пики. Поэтому если у вас комбинация 6 и 6 бубны и трефы – это автоматический проигрыш. Тузы черви и пики – бинго. Можно выбрасывать карты в сторону и брать из колоды, но не больше пяти раз за партию. Все понятно?

Мы кивнули.

Каждый был заинтересован взять первенство, чтобы самоутвердиться перед всеми.

Она начала выигрывать не сразу. Первые две партии Маша прощупывала почву, что можно делать, что нельзя. А вот третьего раза она обыграла всех, имея не самый высокий показатель: Восьмерка трэф, но с пиковой дамой.

Первого выигрыша никто особо не оценил, но потом она выиграла снова. Потом еще раз. Потом еще два раза.

– Нет, это точно не совпадение. – Выразила недовольство моя одноклассница.

– Вот именно. Кое-кто блефует! – Поддержала вторая девушка.

Теперь вступился я: – Вряд ли это можно назвать таковым. Просто ей везет, вот и все. – Мне нужно было показать себя с хорошей стороны перед ней. Девушки любят благородных рыцарей, за которым чувствуешь себя как за каменной сте-

ной.

– Я уверена, что ты – ведьма!

Маша лишь помотала головой в знак отрицания.

– Вот что вы выдумываете? – Впрягся Антон. – Ну, какая же она ведьма? У тех колдовство имеется, а она играет честно. Сам видел, нет никакого блефа.

– А вы видели, как она достает из колоды? Не близ лежащую карту, а может из середины взять. Разве так можно?

– Хм, я наблюдала, как вы играли. Это вроде не противоречит правилам.

Я одобрительно покивал Машиному замечанию. – Да, никто не говорил, что нужно брать только первую с края карту.

– Так в чем же секрет?

– Да ни в чем. – Пожала плечами она, размышляя над вопросом своего одноклассника. – Я просто запоминаю карты.

Все потупились. Такого ответа даже я не ожидал.

– То есть? Ты их расположение помнишь?

– Ну, да. Вот в колоде верхняя карта – семерка бубны, дальше король трефы, дальше десятка пик, дальше...

– Ого, да ты не шутишь! – Антон не скрывал своего восторга, открывая названные карты. – У тебя, должно быть, дар!

Все оживились от его последних слов. Ее способность не на шутку заинтересовала других.

– Я когда-то читала о таком. Правда, не помню, как называется этот... хм... синдром? Но готова поклясться, у тебя математический ум! Ты умеешь решать что-то сложное в

уме?

– Ну, могу умножать...

– Правда? Шестьдесят восемь на девять?

– Шестьсот двенадцать. – Без замедления ответила Маша, чем вызвала восторг толпы.

– Ого! А пятьсот восемьдесят один на тридцать шесть? – Не упустила своей возможности вторая.

– Хм, двадцать тысяч девятьсот... шестнадцать.

Они начали хлопать в ладоши и выражать восхищение.

– А поделить сможешь? Две тысячи четыреста...

– Эй! – Снова вступился я. – Давайте оставим человека в покое. Она и без того просидела шесть уроков.

– Как и мы! – Усмехнулся Антон.

– Я серьезно.

– Ладно-ладно, только один вопрос: А как ты научилась так быстро считать?

– Я не училась. – Спокойно ответила она, будто ее никто и не донимает. – Да и не считаю я вовсе. Ответ как-то сам приходит в мою голову. Я его просто озвучиваю.

Радость сменилась смятением. Все переглянулись. Некоторые даже свистнули.

Мне стало так неприятно от этой ситуации, на меня будто ушат грязи был вылит. Да, они нашли в ней, в каком-то смысле, союзника, но их изначальное пренебрежение вычеркнуть из памяти тоже было невозможно.

– Ты уж извини, что все так произошло. – Сказал я ей,

когда провожал из школы.

Но она, в свою очередь, будто и не обижалась вовсе: – Людям, должно быть, в диковину такие вещи, да и ничего плохого не произошло. Они спросили – я ответила. Да и игра интересная.

Я тяжело вздохнул. Все-таки ангел она, пришедший с небес. Мне бы не хватило терпения на эти разговоры.

Хотел было попросить ее о прогулке, но нас догнал навязчивый, во всех смыслах, Тох.

– Спасибо, что пришла. Ты сегодня – гвоздь программы.

– Спасибо, что впустили.

– Да, Илья, я думаю, тебе стоит почаще приглашать ее к нам. – Я прикусил губу. Никто так и не понял, как это произошло. – И кстати, ты извини их, они злые, сами не понимают что говорят.

– Я думаю, что все в порядке.

– Вот как? Уверена?

– Я не знаю, какую жизнь они живут, так что...

– А... ну, это да... А что за шутка про лестницу?

– Тох! – Огрызнулся я.

Маша же, заливаясь краской, остановила меня: – Это старая история. Просто был мальчик, который пытался добиться моего расположения, почему-то. Я отказала ему, не хотела принимать участие в его играх. Ему это не понравилось и он... кхм... начал усложнять мне жизнь. Я... ну, в общем, я его скинула с лестницы. Сама не знаю как, но...

Собеседник стоял в ступоре, но потом резко посмеялся.

– Ха! Так ему и надо! Надеюсь, этот урок он на всю жизнь запомнил!

Маша совсем поникла, а я смотрел на Антона с осуждением. Как же мне хотелось залепить ему да посылнее. Недаром говорят: «Хочешь узнать человека получше – просто дай ему слово». Вот, пожалуйста, ярчайший пример человека-идиота. Лишь бы что-то высказать, даже если это неуместно и глупо. Так сказать, показать весь свой внутренний вакуум во всей красе.

– А что? – Продолжил он. – На всякое преступление должно быть наказание. Я так считаю! Право имеешь, как в классике, да? Если ты кому-то досаждаешь, будь готов самому испытать это. Бу-ме-ранг! Знаешь, а даже жаль, что все оказалось так прозаично и ты не ведьма. Взяла бы да наколдовала ему чего плохого. Не пришлось бы использовать силу.

– Не. Для этого нужно иметь либо мужество, либо не иметь голову вовсе.

– Зря. Некоторые достойны такой же участи. Это ведь что такое в голове должно быть у человека, чтобы портить другому жизнь на выгоду себе, а? Это вот как раньше было: Отказала тебе дама, так объявляешь ее ведьмой. Та горит как чертовка. И сразу хорошо так становится. Гештальт, видать, закрывается.

– Какой кошмар! – Возразила на это Маша, но у самой и толики страха на лице не появилось. Только сконцентриро-

ванный скептицизм, помноженный на бесконечность.

– А как ты хотела? – Не уступая в спокойствии, возразил Антон, пожав плечами. – Закомплексованный мужчина – горе для женщины.

Ну, вот что он мелет?!

Я решился встрять в разговор, надоело слышать этот бред: – Ты че несешь, Тох?

Он помялся: – Да так, личные размышления. А что, право не имею?

– Нет, очень интересно. – Раскидывая ладонями, ответила она, чтобы не развивать наш конфликт. – Я как-то не задумывала о природе такой клеветы. Есть над чем поразмышлять. Мне нужно идти, темнеет уже.

Я хотел предложить проводить ее, но несносный приятель и тут опередил меня.

– Только ты это... Осторожнее будь. Там гололёд. Скользко очень.

Маша покивала головой и продолжила свой путь.

– Вот что ты лезешь, а? – Невольно вырвалось из меня. Я все еще помнил о той искре. Помнил то чувство, когда заваливаешь кого-то сильнее себя. Я мысленно пытался представить, как сражаю Антона, но не получалось. Он сильный. Это не так просто. Тут нужен как минимум редкий лут.

– А что такого?

– Она не тупая и сама прекрасно знает, какие на улице заморозки.

Тоха встрепенулся, но быстро взял себя в руки. Умеренности этого индивида можно только позавидовать.

– Я просто забочусь о её безопасности. А ты почему с ней не идешь?

«Да пошел бы, если бы ты не встрял, то...» – подумал я, закатив глаза. Неужели нельзя догадаться о таких простых вещах?

– Зачем?

– Ну, как зачем. Я думал, вы встречаетесь. Парочкой ходите.

Да много ли ты в отношениях понимаешь, свинорылый?! Ну да, ну да, может, мне еще подтирать за ней? И почему каждый второй решил, что может меня учить жизни? Ух, как же хотелось сбить его с ног и посмотреть на него с высоты собственного роста.

[Чего же ты ждешь?...]

Да ничего. Всеу свое время.

Я невольно услышал знакомый смех, отдававшийся в моей голове. Разочарование, значит, рассеивание колдовства. Ну-ну.

– У нас высокие отношения. Тебе не понять.

Тот потупился. Посмотрел на меня, затем на удаляющийся силуэт своего «любимого размера».

– Ну, с ее ракурса – да.

– Иди ты! Я пошел.

Тот смеялся как дурак. Шутки он шутит.

– Ты про тренировки завтра не забудь!

Я не ответил. Злоба переполняла меня.

[Ты должен устранить его...] – новое предложение извне появилось в моей голове.

Что-то внутри меня, в области груди, горело красным светом. Я чувствовал изнуряющую метаморфозу, но сожаления не испытывал. Все прошедшие дни я ходил словно мертвый, теперь во мне словно открылось второе дыхание.

Устранить человека – какая интересная мысль...

Глава 3

– Я знал, что ты придешь снова. – Сказало Зеркало, не скрывая насмешки. В голосе его было слышно праздничное ликование.

Я принес несколько мечей, которые ранее мне доставались от различных пройденных квестов. Некоторые из них имели неплохие статы, но хлама хватало тоже. Они служили массовкой для увеличения габаритов. Пускай поймет, что мне ничего не жалко.

– Покажи то, что меня интересует.

– Не так быстро. Мне есть что показать тебе, но боюсь оно того не стоит.

– Разве это не ценное оружие?

– Меня не интересуют куски металла. Меня интересует история.

Ах, так тебе тогда не ножик нужен был, а воспоминание о его появлении. Таким богатством ты, значит, питаешься.

– Тогда назови свою цену!

– Серебряный кинжал.

– Исключено! Это фамильная реликвия. Артефакт, созданный веками ранее. Это слишком дорого.

– Зато как много я могу тебе показать...

Я скрипел зубами. Мне не жалко этот ножик, пусть и

стоит он целое состояние. Я подумал, что бы на это сказал мой отец. Учитывая его привязанность к этому трофею, моя дальнейшая судьба стала бы незавидной. Нет, он слишком щепетилен и меня учил тому же. Рука сама не поднимается согласиться на такую выгодную сделку.

– Нет, уж! Я уверен, что тебе есть еще что предложить.

Казалось, что он тоже стиснул зубы, но это лишь мои соображения. Полноценная челюсть у него отсутствовала. Только примитивный разрез рта в виде дупла. Видать тоже не любит, когда его слова не имеют должного воздействия.

– Ну, что ж, раз уж у тебя есть эта груда металла, не пропадать же добру. Этими кусками железа много кто был повержен, но покажу лишь малую часть обещанного.

Я прикусил губу, но согласился. Самый обычный торгаш – сначала обесценивает предложенное, а потом соглашается на меньшее, когда понимает, что ничего другого ему не остается.

Туман показал мне кусок ранее прошедших событий. Я пил чай в учительской. Лариса заодно с завучем крутились вокруг меня, нахваливали, подхалимничали. Одним словом, создавали благоприятную атмосферу, лишь бы я не сдавал позиции. Я покорно кивал, во избежание неблагодарной тишины.

Когда я спросил: «А что у вас находится за стенкой?» – они испуганно переглянулись и начали размахивать руками: «Ничего особенного», мол, просто свежеокрашенные кирпи-

чи. Я не придал этому значение.

Когда они отвлеклись от меня, я тихо украл свиток, что лежал на полке. В нем был рецепт «Забвения». Позже я отдал его Полине. Та подпрыгивала на месте, не скрывая блеска в глазах.

Далее я будто переместился в будущее. Я слышал крик, но не человека, существа. Давил его, он брыкался. Я что-то держал в руке. Легкое, как выпавший по осени листок. Одновременно мне казалось, что я потерял что-то важное. Надо мной стоял силуэт.

Потом я снова почувствовал осколки, какие-то испарения и взгляд голубых глаз, но других, чуть темнее предыдущих.

Видение оборвалось.

– И что ты этим хотел показать? Я просил тебя показать будущее, а вместо этого ты повторяешь произошедшее. Так нечестно!

– Я предупреждал тебя про абстракции. Я сделал все, чтобы видение стало понятным для твоего восприятия. Где твоя благодарность, мальчишка?

– То есть, ты хочешь сказать, что мой позавчерашний поступок это следствие ранее виденного будущего?

– Может, да. Может, нет. Все имеет вес, и эта мелочь тоже.

– Ну, уж нет. Я не знаю, что это за силуэты, но я не допущу этого. На меня никто не посмеет смотреть свысока. Если я предупрежден, значит, вооружен. Видение не сбудется. За что тебя благодарить? Это я должен пенять на себя!

– Как скажешь, но ты уже запустил этот маятник. Его остановка лишь вопрос времени.

– Бред! Если я буду действовать, маятник не остановится никогда.

– Если ты сможешь действовать.

Он скрылся в ночи, оставив отголоски своего мерзкого хихиканья.

Пару дней спустя я сходил с Полиной в кино после уроков. Смотрели какую-то пресную драму о несчастной любви и побеге от реальности. Главная героиня какая-то одноклеточная амеба без имени, которая не делала ровно ничего, но ожидала, что все само попадет в ее руки. Таким персонажам не сочувствуешь, не хочется ставиться на их место. Сидел и зевал, пока спутница то облакачивалась на мое плечо, то шмыгала носом. Скука.

– Ну, как тебе фильм? – Спросила она, выйдя из зала. Мы перешагивали кучи разбросанного по полу попкорна и листовок. От этого вида становилось еще более омерзительно. Какие же люди все-таки свиньи.

– Ну, такое...

– М... Совсем не впечатлило?

– Мне не понятны эти переживания.

Полина старалась всей мимикой показать свою Вселенскую печаль. Я не виноват, что она сама захотела пойти со мной на этот бред. Она даже не интересовалась о том, чего

хочу я.

– А мне вот очень понятны. Неужели тебя совсем не трогают такие истории?

– Безответная любовь главной героини и ее вечные скачки за сомнительным типом? Мерзость. Тот ее только напрасно дразнит, а она и рада глотать, что дают. Еще ноет: «А за что ей это все?» Я бы на его месте послал бы такую девушку куда подальше. Фанатичность – это болезнь. Нельзя связываться с больными людьми. Твои ожидания – твои проблемы. Их никто не обязан воплощать в реальность.

Та раскрыла глаза: – Ах, так! Да что ты вообще понимаешь в отношениях?!

– Кое-что понимаю. Например, что в отношениях всегда виноваты двое.

– Правда? – Всхлипнула она, вытирая рукавом слезку. Театральность. Сама как актриса. – Тогда скажи, в чем я виновата?

Я немного подумал: – Да ни в чем.

Я встретил ту «дохлую» девушку снова. Она выглядывала кого-то из окна. Я не пытался еще раз пойти за ней. Знал, что та растворится в стенах, словно призрак.

Правда, она сама явилась передо мной, когда я шел по своим делам.

Изначально она наблюдала за какими-то девушками, а теперь переключилась на меня.

– Ну, что, живой? – Спросила она, еле заметно ухмыляясь.

– Ты!

– Спокойнее. – Она приставила арбалет вперед. – Он заряжен. Рядом никого нет. Тебе лучше не рыпаться.

Я, в свою очередь, вытянул кинжал: – Рискнешь?

Она засмеялась безумным смехом. Вся она была какая-то водянистая, долговязая, сутулая. Неприятного вида девчонка. Правда, на земноводную расу та тоже не походила. Они, конечно, пытались приткнуться к урбанистике, постепенно выходя из своего привычного места обитания на берег, но это долгий процесс. Впрочем, разглядеть в ней обычную девушку было почти нереально. Ни в жизни не поверю, что она просто человек.

– Тебе лучше передумать. Я сохранена, опыта у меня достаточно.

Черт побери...

– Какое тебе до меня дело, а?

– Зверя ищешь?

Меня обдало холодом. Снова эта лапа. Снова эта тяжесть в грудь. Мне мельком представился черный дымок за стенами школы. Его собакообразный силуэт обрисовала моя фантазия.

– Что ты знаешь об этом?

– Ничего. Абсолютно. А вот твой ножик что-то знает. Как, кстати, поживает твоя семья?

– Да что ты все ходишь вокруг да около? Ты кто такая

вообще?

– Да так, никто. А вот моя семья очень хорошо помнит твоего отца. Хороший охотник. Был.

Он рассказывал мне, как сам однажды пытался охотиться на Черного Зверя. Только, по всей видимости, у него не вышло. У нас целая династия, пытающаяся взять это существо за хвост. Зверь наделен недюжинной силой и способен разрушить мир. На этом мои знания заканчиваются. Надеюсь, эта ветка сломается на моей персоне.

На самом деле, у меня не было времени разговаривать с ней. Мы с Полиной договорились встретиться неподалеку от школьной территории, чтобы пойти по своим делам.

Из свитка она вычитала, что самым важным ингредиентом для «Забвения» является перо Василиска. Точнее, дело было в завуалированной загадке: «Ни яд, ни коготь, но то без чего он не существует». В старом наречии у существ не было конкретных названий, так как раньше считалось, что они неодушевленные духи, движимые инстинктами.

– Имя! – С блеском в глазах сказала она тогда. Решение загадок всегда приносило ей моральное удовлетворение.

– Имя?

– Ну, да, конечно! Ничто не существует без имени!

– А причем тут яд?

Она задумалась. Вынув из рюкзака кучу карточек, она начала перебирать всех собранных чудовищ. Выбор пал на ящерицеобразную птицу с гаденькой мордой.

– Должно быть он. Моя коллекция не полная, но других подобных существ я не припомню. Единственные Василиски, которые остались на этой земле, находятся в зоопарке, а он на окраине города. Надо торопиться.

Сейчас я должен избавиться от препятствия, держащее оружие в руках.

– Слушай, – сказал я той, что держала меня на мушке, – я не знаю, чего ты этим хочешь добиться и чем тебе моя семья насолила, но мне некогда с тобой болтать.

Убрав кинжал в ножны, я прошел мимо нее.

– Жаль. Эта побрякушка украдена кстати. А отец твой – клеветник, подлец и вор. Просто запомни и живи с этим.

Ей удалось задеть меня. Я обернулся, но ее уже не было. Впрочем, она явно не в себе, зачем ее слушать.

Не скажу, что кража тайного ингредиента для зелья заняло много времени. Мы дольше шли до назначенного места и шкерились от любого шороха местной охраны. Впрочем, работали они спустя рукава. Оставалась куча слепых зон. Безответственные. Неудивительно, что платят им сущие копейки. Видно заслужили.

Мы были в полной готовности: кожаная броня, толстые перчатки, плотные штаны и сапоги до колен. Все, чтобы избежать ядовитого укуса. Полина даже сняла шляпу. Она легко путалась в ветках своим конусообразным колпаком и легко сносилась ветром. Бесплезный инвентарь. И что она

этим пытаются доказать?

Мы старались действовать тихо, но Василиски пищали, брыкались, пытались защищаться.

– Стремное дело. – Вздохнул я.

– Подожди. – Она шарила в рюкзаке, а потом протянула мне печенье. – Подразни его.

– Этим? Seriously?

Та пожалась: – Я думаю, если оно живое, значит, и пищеварительная система тоже имеется.

Кое-как, спустя небольшой промежуток времени, один из маленьких Василисков почуял что-то аппетитное и с осторожностью подходил к нам. Как только мерзкая ящерица открыла клюв, я схватил его за горло. Он брыкался, пытался кричать. Полина действовала незамедлительно, на ощупь выдрал клок пуха.

Отпустив его, он резко вырвал из моих рук печенье и побежал к своим сородичам. Жадная пташка, знает плату за свое мучение. Такой и добровольно может пойти на все, лишь бы покормили.

– Успела?

– Да, тут в основном пушинки, но есть немного небольших перьев. Кажется, я их вырвала из задницы, но это неважно. От этого магические свойства не меняются. Тебе больно?

– Нормально, перчатки потеряли стати, но помогли.

Что-то ей не понравилось в моем ответе, но промолчала. Хмыкнув, она вложила украденное в мои руки.

– Тогда надо убираться отсюда.

Я повиновался, но держал два перышка в руках. Они были небольшими, но зато целые. Я старался не задумываться о месте их нахождения ранее. Они отливали яркими красками так, что нельзя было не залипнуть. Легкие как листок...

Те осколки стекла не выходили из моей головы. Видение потихоньку прояснялось и сбывалось. Это злило. Такой исход противоречил моему заданному плану.

Дома я тренировался держать табуретку за ножку длительное время, выставив руку вперед. Само собой, я трясся, как тростинка на ветру. Тяжело. Я нервировал, но пробовал снова и снова. Сила не прибавлялась.

Я начал долбить стены, на моих костяшках появлялись желтые и синие пятна. Стараясь подавить себя учебой, становилось только хуже. Черт побери, Маша впереди меня. Маша хороша в математике, причем невольно. Она не делала ничего, чтобы стать лучше. Она уже была лучше, словно настройка по дефолту.

Когда руки разбились в кровь, в дело пошло чучело. Я напал на него, как никогда раньше.

– Эй-эй! Тише ты! – Сетовал на все мои потуги Антон. – У нас единственный остался, на новое время нужно.

«Да знаю...» – подумал я, а сам зубами скрипел. «Любимый цвет, любимый размер» Черт, ну какой же дурак! Ты серьезно думаешь, что способен отбить у меня Машу? Да она

в твою сторону даже не смотрит, урод! Твои разговорчики отпугивают, а не привлекают.

Как только я почувствовал боль в мышцах, я сел отдышаться. Я не замечал плохой погоды, вообще не смотрел на то, что происходит вокруг. Не до этого. Нужно снова перейти на зелья. Надо приводить себя в чувства, да и засыпать будет легче.

В последнее время сон давался мне плохо. Мог просыпаться раз по десять за ночь. Закрывал глаза и проваливался в пропасть. Вздрагивал. Весь покрывался холодным потом. Сюжетов не было. Только страх и тревожность.

Ничто не могло успокоить меня.

Я пригласил в кино Машу. Она согласилась не сразу, сославшись на непереносимость толпы и громких звуков. Какой вздор! Пришлось убедить ее незатейливой фразой: «Не бойся, я с тобой», после чего та кивнула.

Правда, это времяпровождение тоже нельзя было назвать приятным. Кино сплошь дурацкое: нереалистичные боевики и опошленные мелодрамы. Кое-как из всей кучи предложенного мусора мы решились на комедию, которая в течение полутора часов раздражала мою нервную систему.

– Ну, как тебе? – Решился спросить я, чтобы разбавить неловкую паузу после сеанса.

– Неплохо.

Я удивился: – Эта несерьезная ерунда? Неплохо?

– Не такая уж и ерунда. – Она говорила ровно, словно за-

ученный текст. – Я даже в каком-то смысле понимаю главного героя. Он неуклюжий, неказистый, пусть и с чистым сердцем. Объект симпатии не видит в нем мужчину, а коллеги – собеседника по душам. Став другим человеком, с ним познакомились по-новому и вроде жизнь начала налаживаться, но он потерял себя настоящего.

– По-моему, он смешон. Если бы у него, как ты выразилась, было чистое сердце, он смог бы справиться со всеми проблемами сам.

– Это хорошая мысль, но все не совсем так. С некоторыми проблемами невозможно справиться в одиночку. Соответствующее окружение не позволяет.

– Тогда почему бы от него не избавиться?

– А разве это не добавит еще больше проблем?

Я злился, сжимая кулаки, но держался до последнего. Почему она проговаривает такую раздражающую риторику? С каких пор она принимает меня за идиота? Это после игры так вышло? Может, та подружка что-то нашептала ей?

– Если человек видит свои проблемы не в себе, а в других – это говорит о многом. Например, что он – дурак. И правильно, что та девушка не хотела с ним отношения.

– Речь не об этом. Если бы он не считал себя причиной всех следствий – не убивал бы дракона и не загадывал желание стать другим человеком. Он не меняет окружение. Он подстраивается под него. Вот что плохо.

Я закатил глаза. Ненавижу комедии.

– А что ты любишь? – Внезапно спросила Маша.

Я вздрогнул. Неужели я это вслух сказал? Она будто всполошилась, отвела взгляд и немного покраснела.

– Люблю что-то более серьезное.

Та кивнула.

После этого случая мне стало немного стыдно за свой пылкий нрав. Извинился на следующий день. Предложил ей помощь по литературе. Чтобы не палиться, наврал о том, что видел ее оценки в журнале. Она не отказала.

Хвастался, что люблю писать стихи, хоть и белые. Свое раннее творчество я прятал от папы, так как заранее догадывался о его реакции. Мама тоже не была посвящена в сокровенное. Она слишком ненадежная.

Мне просто нравилось писать строчки и проговаривать у себя в голове, словно песню. Успокаивающая терапия, чтобы показать самому себе, что талант и мне не чужд.

Решил вспомнить былое. Посвятил ей на листке бумаги немного срок:

Когда в покое нету сил,
Когда мечтой одной покорен,
И позабыл о том лишь кто я,
Что страстью пылкой наделен.
Тебя, увидев лишь однажды,
Мне снова сон, где ты пришла.
Зовёшь меня, а я с тобою
Сижусь и жду, держа цветы.

Она, конечно, поблагодарила за них, но я не чувствовал должной благодарности. Я знал, что она держит меня на расстоянии вытянутой руки.

Маша как-то предложила мне поехать порыбачить вместе, когда на озере образуется лед. Я учтиво кивнул. Когда придет дело, она уже и забудет о своем предложении. Если нет, у меня появятся другие дела.

Та девушка, Саша, начала искоса смотреть на меня. Я специально не обращал на нее внимания. Всем видом показывал, что она для меня – ничтожество. Черная пешка. Шестерка бубен, которая сулит неминуемый проигрыш. Пусть любит, пока оба глаза целы. Теперь я понял, почему игра так называется. Она не пытается вывести человека с наименьшим количеством баллов, он выявляет слабое звено, которое плохо понимает тактику ведения боя.

Злость распирала меня, вытряхивала все человеческое изнутри. Я хотел крови. Настоящей, концентрированной крови...

Чего же я жду?...

Я выследил Ларису после школьных занятий. Та копошилась в своей сумке, шелестела бумагой. Корчила растерянный вид.

– Не это ищешь? – Спросил я, протягивая листок. Пару минут назад она обронила его в коридоре, а тот в свою очередь был поднят мной. Иногда полезно ходить по пятам.

– Ох, как ты...

– Я чуть было не наступил на него. Благо, заметил знакомое имя.

Она с благодарностью приняла мой дар.

– Как учеба?

– Да так, дела-дела. Никакого свободного пространства. Заботы, экзамены, так тяжело.

– Ох, понимаю. Как жаль, что так все вышло с олимпиадой! – Я невольно зажал губы. Руки сами потянулись к ножнам, что были за спиной. Она будто специально нажала на слабое место. – Надеюсь, ты не расстроился?

Я всеми силами пытался изобразить безразличие: – Ну, что ты, какие обиды? Подумаешь, второе место в школе.

– Да, верно, скоро городская ведь.

Час от часу не легче. Ее невинный вид только больше раздраживал меня пустить в ход оружие. Мне не нравилась ни ее улыбка, ни розовые щечки. Голос – кокетливое щебетание райской пташки, умывающей перышки в садовом фонтане. Не люблю обеспеченных девушек с богатенькими родителями. Те всегда пребывают в блаженном неведении и готовы на все, чтобы прожить в нем всю оставшуюся жизнь.

– Может, тебя проводить?

Согласившись, Лариса аж подпрыгнула.

Мы шли медленно.

Она все пыталась как-то начать общение, но весь ее прописанный диалог ограничивался лишь предложениями об уро-

ках, лекциях и прочей скуке. Та будто ничем не интересовалась. Статус старосты – потолок, которого она смогла достичь и то не без излишней лести кому надо.

Жаловала, на отсутствие одного свитка на полке. Правда, она не смогла сложить два и два и предположить, что я мог быть причиной пропажи. Слепуха.

Я же проворачивал в голове план устранения. Эх, вот сейчас глотнуть «Змеиную ловкость», да как одним движением пронзить ее чудесным артефактом. Такого никто не мог ожидать. Он для определенной миссии, но использовался так примитивно. Какая ирония! Но, увы, нет. Боюсь, это наведет только больше подозрений.

Я мялся вокруг да около, ничего не мог сообразить.

«Сражаться надо будучи мертвым» – промелькнуло в моей голове. Я старался отключить эмоции, но их и без того не было, но что же зажимало меня.

Кинжал... откуда ты, черт побери, взялся? Я не хотел верить в это, но мысли только больше заводили меня. Я будто сам хотел быть обманутым.

– Ой, извини. Я, кажется, учебник в школе забыл. Ты иди, а я вернусь, пока не поздно.

– Ох, пошли вместе, я ключи помогу до...

Я растягивал улыбку до ушей: – Не-не, я справлюсь. Не жди меня, ладно?

Она заметно поникла, но попрощалась.

Зверь во мне бушевал. Я почти принял его сущность.

Я жаждал теплой, как дыхание, крови, но боялся ее видеть. Я знал, что мне нужно делать. Нужно начать устранение. Да... Да, я знаю, как избежать этой участи. Я знаю, что мне делать. Как не приблизить ожидаемое будущее. Я просто должен устранить все эти фигуры...

Я сам не заметил, как начал смеяться.

И вот впереди себя я вижу отброса. Такой же неказистый, как главный герой этой скучной комедии. Маленький, щупленький, на несколько классов младше. Много вреда не нанесет. Силы в нем немного, бой будет не долгим.

Я достал фамильное оружие. Оно сверкнуло отблеском вечной звезды, что возносится у нас над головами.

Его глаза встретились с моими, но лишь на мгновенье.

Чик!

Он был повержен моментально. Тот даже не собирался защищаться, будто сам выжидал, когда это наконец-то случится. Я знаю, некоторые люди и сами не против наткнуться на острие. Ни визга, ни писка.

От него даже ничего не выпало, да и ладно. Мне его бабахло и даром не нужно. Я получил достаточно. Эмоцию! Да... Это было... Было... Я никак не мог сообразить, что чувствую на самом деле. Вроде бы ощущаю мощь. Он повержен. Я сверху. На пьедестале лишь я, один, но все равно что-то не так.

Это был вкус победы, но... какой-то сухой.

Точно, это просто была неправильная цель. Я понял. Я

победил постороннего, не врага. Я победил того, кто был рад быть побежденным. Ничтожество. Вошь. Мусор!

Черт, я все еще испытывал жажду. Я был готов зарычать, но подавил в себе животное начало. Я все еще человек, только запутавшийся. Мне все еще нужна помощь.

Я должен устранить еще хоть кого-нибудь... Того, кто представляет реальную угрозу. Тогда мне действительно станет легче.

Когда я выслеживал замарашку в стенах школы, ничто даже не пыталось помешать мне. Будто сама Вселенная благоволила сделать это. Она была беззащитна. Тот меч, что она держала за своей спиной, был лишь для красоты. Эта криворучка наверняка им и пользоваться не умеет. Если только коготки свои подстригать.

Мне невольно представилось расстроенное лицо Маши. Да, ее подруга будет устранена, но это приятная для моего разума фантазия. Я так и видел, как она падает в мои объятия, а я, как принц, спасающий свою принцессу, утешаю ее своими ободряющими речами.

Влияние этой самой Сашы устранил кучу проблем. Я и полноценно буду помогать своей девочке, и гулять с ней, и даже научу любить артхаусное кино. Все мое время. Сначала она погрустит об утрате своей подруги, но такие слезы высыхают быстро.

Главное – не упустить момент. Нужно пользоваться всеми

дозволенными ресурсами, а время – самое ценное из всех возможных.

Она шла по безлюдной открытой местности. Спрятаться некуда. Прекрасный шанс!

Я обнажил кинжал, и с проворностью кошки подбежал к ней. Сделал замах.

Что-то отдалось резким звоном в моих ушах.

Мой кругозор залился въедливой дымкой сиреневого цвета. Я кашлял, прятал глаза от газа, пытался не паниковать.

Этот туман был так густ, что развеять его было не так просто. Даже ветер слабо справлялся с этой задачей.

Она сбила меня с ног, и я упал на землю. Я видел ее силуэт, стоящий надо мной. У моей шеи появился клинок.

– Ты думаешь, я ничего не вижу и не слышу?

Я был холоден, но голос дрожал. Меня нечасто застают врасплох.

– Ты меня не так поняла...

– Да правильно я тебя понял, гаденыш. Это ведь ты позавчера устранил ученика 6 «Б» класса?

Я старался смотреть ей в глаза. Этой сучке меня не пристыдить. – Допустим.

– Бесплезный вопрос. И так понятно, что это ты. Не зря на тебя Инга глаз положила. Ты думал, тебе это с рук сойдет? Знаешь, сколько времени понадобилось, чтобы вернуть его в мир невредимым? Это, между прочим, всегда та еще волокита. Еще скажи спасибо, что у игроков каждый раз после

устранения память стирается. У него были хорошие статьи, мог тебе в ответ задницу надрать.

– С чего ты взяла, что мне не наплевать?

– Да потому что пройденный этап. – Я пытался встать, но меч оказался еще ближе и поцарапал мою кожу. – Лежать, я не договорила! Слушай меня: Если ты продолжишь в таком духе, это плохо кончится. Понимаешь?

– Понимаю.

– Да черта с два! Понимает он. Мед в уши мне не лей!

– Значит, не задавай глупых вопросов.

– Значит, не делай опрометчивых действий!

Как же она меня злила.

– Дай хоть встать!

Ее меч пробил мою грудную клетку. Сердце разбилось.

Осталось три.

Когда я очнулся, ее уже не было. Голова гудела, вся одежда покрылась пылью. Былое ранение отдавалось острой болью по всей спине. Кинжала при мне не оказалось, в отличие от остального лута. Даже монеты не тронула.

Чертова тварь! Ты сделала мое будущее возможным. Оно сбывается из-за тебя!

Я должен устранить ее как можно скорее...

Глава 4

Чтобы выполнить новый квест Васильева, мне потребовалась куча времени. Я должен был побороть все свои нервы, чтобы собрать должное: три охапки хвороста железного дерева, десять шкур ящериц, двадцать желудков насекомообразных монстров и венок из редких аленьких цветочков. Все это в обмен на эпический артефакт – кружка Грааля. То же самое, что и чаша, но с ручкой.

Бессоница усугубилась. С каждым днем я становился все злее, потому что не мог контролировать внутреннюю агрессию. Я чувствовал, что внутри меня что-то скреблось массивными когтями. Странно, но боли я не испытывал. Неприятно. Оно вот-вот должно было вырваться наружу.

Параллельно я все еще писал стихи. Это был хороший способ для смирения пыла. Один, который я нафантазировал в случае устранения Саши, даже прочитал вслух. Я решил, что так получится выразить все свои чувства:

Мне снится дева в белом платье.

Я вижу рыжий локон твой.

Ты напоишь меня водою,

А я сплету венок цветов.

Огонь, пожар, волос твоих,

Твоя рука в моей руке.

Я вижу слезы, ты не прячь их,

Твоя печаль в моей вине.

– Ох, звучит... хорошо...

Я пытался не выражать враждебное отношение к Машинному апатичному настроению. – Это ямб.

– М... – Она о чем-то думала, но я чувствовал, что мои строчки не нашли отклика в ее сердце. Что-то больно кольнуло в груди.

– Тебе не понравилось?

– Нет же, звучит и правда хорошо.

– Я потратил на это много времени...

Она кивнула: – Творчество это всегда нелегко, наверное.

– И это все?

– То есть?

– Ты не хочешь что-нибудь еще сказать?

Она сдвинула брови так, будто не понимает моих намеков.

Тут же на тренировку пришел Антон и разбавил напряженность сложившейся ситуации: – О, Маша! Давно не виделись! – Та помахала ему рукой. – Как дела?

– Сдала городскую по математике.

– Круто! Я думаю, с такими талантами ты выиграешь все на свете.

Она улыбнулась, а мне от этого вида стало как-то тошно: – Надеюсь, нет. Не хочу идти на областную.

– Скучный, должно быть, поединок.

– Обычная рутина.

Они наконец-то заметили меня и одарили взглядом. Видимо, мои тяжелые вздохи были слышны даже на дальние расстояния.

– Я тут, кстати, много думал о твоих способностях. У тебя, случаем, нет предрасположенности к магии?

– Не думаю.

– Уверена? Жаль...

– Ты хочешь сказать, что я могла бы пойти в маги?

– Почему бы и нет? Вот, например, у нас есть Полинка. Она с детства умеет расшифровывать разные штуки, типа загадок. Разные квесты как орешки щелкает. Читает всякое между строк, понимает значения. Даже пыталась на что-то гадать. А потом учителя сказали ей, что она может быть хорошим магом. Может, ты тоже?

Маша пожалала плечами: – Не уверена, что могу принадлежать этому классу. Впрочем, уметь колдовать, должно быть, прикольно. Я никогда не видела магов, даже не знаю, как они выглядят. А ты?

– Я думаю, Тохе просто не терпится использовать тебя в своих эгоистичных целях. – Встрял я, чтобы осознанно пошатнуть его авторитет. Достал он меня. Сил нет.

– Хм, а что, почему бы и нет? Только одна поправка: не использовать, а попросить оказать услугу за вознаграждение. Большая разница, между прочим! Всегда было интересно задавать им кучу вопросов. Вот, например, почему маги не могут просто взять и наколдовать большую кучу денег?

– Вот еще! Ты не слышал, что за чит-коды устраняют?

– А-а-а... А вот об этом-то я и не подумал.

Она, слушая наш диалог, снова улыбнулась.

Я понял, что теряю позиции в ее глазах. Невольно из меня

вырвались следующие строчки:

Тебя ли нет со мною,

Со мной не рядом ты.

И с кем пойти смотреть на небо,

Взглянуть во чрево пустоты?

– Ого, а чьи это строки? – Спросил Антон.

Я тяжело вздохнул. Ну, что ты вечно лезешь в чужие отношения?

– Мои.

– Ого! Не знал, что ты пишешь стихи, только меня что-то в этом смущает.

– Это белый стих, тут важен размер и ритм. Рифма не обязательна.

– А, это как у Пушкина?

– Ты совсем дурак? Пушкин не писал белых стихов! Немногие это делали!

Тоха скривился и хотел что-то сказать, но вовремя сообразил, что это лишнее. Указательный палец, что был поднят вверх, тут же принял форму крючка. Тишина. Правильно, нечего распылять тут свое очень важное мнение, особенно, если тебя о нем не просили.

– Мне нужно идти. – Сказала Маша. – Спасибо за компа-

нию.

– Ты это... приходи к нам только, ладно?

Она поблагодарила Антона за предложение и тут же скрылась.

Я смотрел ей вслед и думал: «Какая же она все-таки бедная. Дурновкусие надо искоренять, и начинать надо с окружения». Вся моя злость направилась на тряпичное чучело.

[Она не любит тебя...]

[Не любит...]

– Я вижу в тебе перемены. – Раскатистым хохотом гремело зеркало. – Что же на этот раз ты хочешь увидеть?

Я перестал обращать внимание на его тон. Излишняя раздражительность только раззадоривает его изворотливый нрав.

– Неважно, что привидится мне на этот раз. Я принял твердое решение не допустить то будущее, которое ты мне показал.

– Вот как? Смелый шаг. А какое будущее хочешь ты?

Я не колебался: – Я вижу себя на троне. Рядом со мной прекрасная рыжеволосая дева, а на полу, под моими ногами, ковер, сотканный из черной шерсти. Все мои враги устранены, а я наслаждаюсь своей победой.

Странно, но он не смеялся. Напротив, выразил подлинную заинтересованность.

– И что же ты готов отдать за такое будущее?

– А ты уверен, что я должен чем-то пожертвовать?

– Глупец. Каждое желание эгоистично, каждая цена материальна. Ничто не достается просто так.

– Знаю, поэтому я завоюю все это. Честным способом. Я потрачу столько времени, сколько потребуется, но я осуществлю желаемое.

– Ах, вот как? А та дева тоже будет добровольно сидеть на твоих коленях без доли притворства и меркантильности?

– Ты не знаешь, о чем говоришь!

– Вот уж поверь, знаю больше твоего.

Я сделал несколько вдохов и выдохов. Даже бестелесное существо пытается научить меня жизни. Я будто с отцом разговариваю. Тот тоже в любом споре выворачивает факты так, чтобы я остался в дураках. Его философия проста: он – учитель, я – ученик. А ученик никогда не должен превосходить своего учителя. Он растил меня героем, но сам в сердцах желал, чтобы и мной Зверь не стал покорен. Лицемер. Чопорный старик с тараканами в голове, который не оправдал собственных ожиданий.

– Раз так, возьми этот артефакт и докажи делом, а не словами. Я хочу, чтобы ты показал мне всю информацию, которую я должен знать. То, что может изменить ход моей истории!

Рука из переплетений тонких веток взяла из моих рук кружку.

– Эту вещь я вижу чаще всяких мечей. Это не отменяет

того, что у нее неплохая история. Что ж, дай мне немного подумать.

Вихрь кружил вокруг меня. Лишь спустя немного времени я увидел занятные картины.

Это было прошлое той дохлой девушки с арбалетом. Когда она была ребенком, и ее человеческая принадлежность не подвергалась сомнению, та часто смотрела на, висевший на стене, артефакт. Серебряный кинжал с обсидиановой рукояткой, аналогичный моему. Ее семья лишилась денег. Они переехали в полуразрушенный барак, а само оружие передано в чьи-то руки как оплата долга. Ее семья лишилась имени. Они стали никем для наружного социума.

Годами спустя, она предприняла попытку изменить ход игры, заменяя коды. Она смогла получить средства, чтобы вытянуть семью из долгов и восстановить честь. Ее манипуляции возымели вопиющий эффект, перешедший в глобальный кризис. Массовый голод и нехватка ресурсов. Мировой дефолт и инфляция. Между странами начались войны.

Ее семья перебиралась с места на место, избегая горячих точек, но не гнушаясь выражать свое мнение по поводу происходящего.

В этот момент появилась Саша и незнакомый мне парень в дурацкой серой шапке. Они много раз побеждали ее и в конечном итоге она сдалась. Код медленно, но верно возвращал все на свои места.

Дабы не оставлять ее без имени, группка людей, в которую

она пришла с теми двумя, начали называть ее – Инкогнито. Впоследствии это преобразовалось в краткое – Инга.

Туман рассеялся.

– И что ты этим хотел мне сказать?

– Я – ничего, а вот для тебя это знание очень важно.

– Нет, я абсолютно точно уверен, что это никак не поможет мне в дальнейшем!

– Как знаешь. Человек, который уверен в чем-либо всегда найдет подтверждение этому. Кто ищет – тот всегда найдет.

Я выругался и сплюнул в траву. Там не было мелкого лута, но это и не интересовало меня. Чертов обманщик! Столько времени на этот дрянной артефакт коту под хвост!

Я издал сдавленный рык. Что б я еще раз верил детским сказкам!

Полина вертелась вокруг меня, пытаясь привлечь мое внимание. Она купила новую шляпу.

– Ну, как тебе? Нравится?

– Да, неплохо. – Выдавил из себя я.

Она кружилась, пританцовывала, напевала песенки.

– Почему ты такая счастливая? Неужели «Забвение» готово?

– Ох, еще не время. Его надо готовить в новолуние, а оно через два дня. Да и вообще, почему бы не повеселиться?

Я смотрел на нее. Не было ни интереса, ни иронии, ни злобы. Я был морально пуст.

– Полин?

– М?

– Давай поцелуемся?

Я подумал, что это хоть как-то расшевелит мое безнадежно убитое настроение.

Та, ошарашенная моим предложением, остановилась. Она медленно подошла ко мне, будто в ее голове звучала какая-то романтическая музыка. Я старался подыгрывать ей, но все же взаимных реакций не разделял. Я был неправ.

– Что ты чувствуешь? – Спросила она после содеянного.

Да что я чувствую? Ничего. Верны были мои рассуждения: Такая же недалекая, как и все. Ты хочешь меня приручить, но я не твой Зверь. Я не буду плясать под твою дудку, и играть по твоим правилам. Найди себе другого лоха и делай с ним что хочешь.

– Мне пора. Куча дел.

– Как тебя понимать? – Услышал я позади. – Что все это значит?!

– Извини, в следующий раз все будет в лучшем виде.

Не хочу выяснять отношения. Пусть, как и раньше, сама домыслит сказанное.

– Законы Вселенной соблюдаешь? – Сказала Саша, находясь у меня за спиной. В этот момент я выходил из спортивного зала. Она стояла у дверей и с неприятным хрустом жевала яблоко.

Я старался не удивляться. Да и замедленный ритм жизни давал сбой в эмоциях.

– Тебе-то что? Да и не верю я во Вселенную.

Она пожала плечами: – Я и не спрашивают тебя об этом. Это твое дело, но законы есть законы.

Я машинально дотронулся до спины, но ножен не было. Оружие изъято.

– А ты ничего не хочешь вернуть?

– Нет, не хочу. Тот ножик все равно не твой. Он перешел достойной по праву.

– Инге? Пф, отжать у нее кинжал не составит труда. Теперь я достаточно силен, чтобы вступить с ней в бой.

– Правда? Думаешь, ты эмоционально стабилен для таких решений? Ой-ой-ой, и этот человек нравится Маше. Какой кошмар. В жизни бы не подумала, что она, будучи благоразумной, переключится на надутых индюков.

Я нравлюсь Маше?... Быть не может...

[Она играет с тобой...]

«Догадываюсь, Зверь»

– Не заговаривай мне зубы, я с тобой еще не расквитался.

– А ты и не сможешь. Голова у тебя слишком горячая. Тактика – явно не твое. Ты на мои статьи не смотри, они тебе мало чем помогут. Дело не в силе и не в ловкости. Опыт, вот что действительно решает. Если ты не умеешь мыслить благоразумно, делать ошибки и принимать их – ты так и будешь до конца жизни плохим бойцом.

– Ты мне морали не читай, не мамка.

Она вздохнула, помотав головой: – Бедный ребенок.

Я зарычал, но не смог ничего схватить, потому подбежал с кулаками. Саша увернулась. Рост позволял. Пригнувшись, она снова сбила меня с ног ударом под колено. Я рухнул, ударившись об стену.

– Поединки в стенах школы запрещены, а мы уже разбудили дракона. Прекращай немедленно, иначе у тебя останутся два сердца.

Сердце дало треск, но не сломалось полностью. Я кряхтел, пытаюсь подняться: – Дракона... не... суще... ществует.

– Да много ли ты знаешь, щенок? А может, магии тоже нет, а все чудеса сплошь благоприятные стечения обстоятельств? Или может все артефакты – это старые побрякушки? Что еще расскажешь, мамкин нигилист? Что весь мир – подделка, а ты в ней самый умный? Я лично держала его сердце в руках. Я знаю, как оно выглядит, и что оно дает. Мне неинтересно, что ты думаешь об этом.

– Дракона видят лишь те, кто... кто все потерял...

– А, так ты это знаешь? Молодец, только не понимаю, что ты этим хочешь сказать. Думаешь, ты меня заденешь? Не получится. У меня кожа толстая.

– Замарашка!

– Неа, попробуй еще разок.

Со словами: «Паскуда!» – я резко встал и попытался сбить ее с ног.

Сжав ее талию руками, я почувствовал острую боль в шее. Третье сердце треснуло. Я старался не терять сознание. Кое-как у меня получилось это.

– О, теперь ты и это умеешь. Вот видишь, опыт-то набирается. Становишься морально крепче.

Я хотел сказать: «Заткнись!», но губы беззвучно шевелились. Я всеми силами цеплялся за реальность.

– Так что там насчет законов? Ты думаешь, я у тебя просто так это спрашиваю? Я должна устранить тебя, слишком большая угроза от тебя исходит. Просто добить тебя сейчас, пока ты не накуролесил еще сильнее. Чем дальше – тем мудренее код. А вот не могу. Информация от тебя нужна. Так что будь бодр – расколись, да побыстрее. Что ты этим хочешь добиться?

– Пошла ты.

– Да я-то пойду, а вот Вселенная хаоса не терпит, даже если с него и начинается порядок. Так что, для твоего же блага, пойдн навстречу.

– У меня со Вселенной сложные отношения.

– Правда? А она об этом знает?

– Не думаю, что ее интересуют мои чувства.

– Ох, вот как мы заговорили, думаешь, меня проймут твои слезки? Ну, что ж, потом не удивляйся, почему она тебя покинула.

– Сама-то на себя посмотри. Ходишь тут важная, раскидываешься словечками о своем статусе. Имеешь доступ к

«внутренностям» мира. Верить во Вселенную, соблюдаешь ее законы, но все равно пытаешься ее обмануть. Как тебя уважать?

Но она не унималась: – Пристыдить меня, значит, решил. Нет, парень, я не та девочка, с которой можно покутить. Мозги запудрить не дам. Я – паладин с большим стажем. Я знаю, кинжал играл важную роль в твоей жизни. Давай, раскальвайся. Дракон тебя не интересуется, да и не увидишь ты его никогда. Какая твоя цель?

– Я просто исполняю пророчество.

– Какое еще, нахрен, пророчество? Ты избранный что ли?

– Да!

– О боги... – Она закатила глаза и взялась за голову. Если бы я не чувствовал усталость, смог бы еще раз напасть на нее. Она проворная и это злило. Я чувствовал красное сияние в груди. Оно горело огнем и выжигало все внутренности. Сейчас я был уверен в своей правоте как никогда. – Очередной! Да что ж вас, сумасшедших, так тянет на эту роль? Что за пророчество?

Я был спокоен: – Черный Зверь появляется в стенах школы, как предвестник Армагеддона. Не слышала об этом? Вселенная не нашептала?

– Мне не интересны твои издевки. Рассказывай историю до конца, да вали на все четыре стороны. Ты меня утомляешь.

– А она закончилась. Я должен победить его, воткнув се-

ребряный кинжал. Все.

– Какая скука! Только вот это пророчество больше вопросов оставляет, чем ответов. С чего ты взял, что его можешь победить?

– Потому что я был рожден для этого.

– Какая несусветная чушь! Тебя родили, чтобы родить, понял?

– Сама ты чушь несешь! У тебя вообще нет цели, завидуй молча, замарашка.

– Цели нет, согласна. Я свободна, как в поле ветер. Так что, это кому еще нужно завидовать?

Я прикусил губы, ощущая вкус крови. Сейчас это чувство было моей анестезией. Глупая девчонка, не понимающая, что она наделала. Она сама тянет мир в хаос, прикрываясь благим деянием. Какой тут, к черту, стаж?

– Так скоро появится. Зверь на свободе и скоро покроет этот мир. Тебе и твоему дружку предстоит куча работы.

Судя по ее выражению лица, мне все же удалось ее немного вывести из равновесия.

– Звучит, как промывка мозгов очередной секты. Ты еще скажи, что после смерти нас ждет какая-нибудь Вальхалла или воссоединение с семьей.

– А может и так, ты же не знаешь наверняка? Всегда хорошо там, где нас нет.

– Хорошо там, где нас ждут.

– И это я еще глупости говорю? В книге было не так ска-

зано, а значит, твое убеждение неверно.

– Умственная скупость?

– Что?!

– Ничто. Больше книжек читай, а не опирайся на мнение одного человека. А лучше не читай вовсе. Какой толк? Ты от этого все равно не получаешь пользы.

– Всяко лучше, чем существовать как NPC.

– Сказал человек, который потакает верой во Вселенную. Ладно, то, что мне нужно было узнать, я узнала. Если я еще раз увижу частицы возможного хаоса, исходящие от твоей мерзкой тушки – разобью оставшееся. – Я молчал. – Объясняю для альтернативно одаренных: Много хочешь – шиш получишь, понял? Иди на уроки и не высывайся. Со Зверем мы сами разберемся.

Что-то треснуло внутри меня, но это не было поинтом здоровья. Что-то более глубокое и сокровенное.

А ведь порядок и правда начинается с хаоса...

[Она играет с тобой...]

Последующие дни я больше проводил времени с Машей. Узнал много интересных фактов, например, она не умеет готовить ничего, кроме бутербродов. Я сдерживал свой пыл как мог. Как можно не уметь соблюдать простые женские обязанности?

Она рассказывала, что живет с отцом и мачехой. Я видел ее, когда бывал у них дома в гостях. Заурядная дама в поло-

жении, мыслящая стереотипами, пусть и выглядит как прогрессивная труженица с прической «пикси». Любит рок-н-ролл и смешные обзоры на фильмы. Никакой индивидуальности.

Мы сидели на кухне, и пили чай, пока она суетилась из угла в угол, пытаясь создать для нас уют.

– А кем работают твои родители? – Поинтересовалась та.

– Мама – домохозяйка. Папа – элитный торговец.

– Элитный? Это как? – Спросила Маша.

Я сделал глубокий вдох. Меня никогда не спрашивали об отце, но я гордился его высоким званием, и потому не мог сдержать внутреннее уважение.

– Он покупает крупные объекты и обеспечивает работников денежными средствами.

– То есть, он что-то производит? – Снова спросила ее мачеха.

– Зачем? Он продает запас и делит выручку со всеми. Если все распродано, он развязывает руки сотрудникам. Отпускает их на свободу, то есть. А сам объект передает в другие руки.

Последовала тишина.

Они будто пытались понять происходящее, но в ответ лишь еще больше потускнели. Она хотела что-то спросить еще, но мельком посмотрев на свою падчерицу, отбросила эту затею, будто старалась не подставить.

Мне так не нравилось это утаивание невысказанного, что

я чуть было сам не напоролся на скандал. Благо, Маша была рядом, и мне не хотелось ее расстраивать. Да и что эта дама, косящая под девочку-подростка, может понимать в серьезных делах?

– Ох, я, кажется, забыла полить цветы!

Я так брезговал пить у них чай, что чуть было не вылетел из квартиры. Не хотелось находиться у них. Неприятно. Еще эти блекло-синие тона, окружавшие кухню. Никакого чувства стиля.

– Тебе она, правда, нравится? – Тихо спросил я, когда та пошла в соседнюю комнату.

Маша неодобрительно посмотрела на меня: – То есть?

– Тебе не кажется, что твоя опекунша... глуповатая?

Она нахмурилась, но ничего не ответила.

Мачеха плохо на нее влияла, это видно невооруженным глазом. Отсюда и любовь к низкосортным фильмам.

– А что вы сидите в тишине? – Сказала она, видя наши хмурые лица.

Маша молчала.

– А что вы думаете о Вселенной? – Я решил задать провокационный вопрос. Сейчас мы выясним, что она из себя представляет на самом деле. И даже разжигать огонь не придется, она сама прекрасно справится с этой задачей.

Мачеха пожала плечами: – Я вообще не думаю об этом. Какая разница? Верить в нее или нет. Она либо существует, либо не существует. Другого не дано. Факт ее наличия никак

не зависит от моих раздумий.

«Неудивительно» – подумал я. Правда, мне не за что зацепиться, но главное, что я подтвердил свои убеждения.

Через некоторое время после этих событий, я задал тот же вопрос Антону. Да, мы говорили об этом, только на этот раз Маша сможет узреть воочию всю его умственную ограниченность: – Ты думаешь, у Вселенной на нас есть план?

Да и ему полезно помнить о том, что мы с ним два лживых друга. Так бывает, когда вербуешь человека, чтобы тот тебя прокачал.

– Не знаю. – Замялся Тоха. – Я много думал по этому поводу, но ничего толкового не сообразил. В принципе, ты можешь вести свою игру и делать что угодно, ну, в рамках закона. Вряд ли план существует.

Меня этот ответ не устроил.

– А ты бы хотел вести свою игру, если бы законов не было? Чисто теоретически.

– Это интересно попробовать. Ну, если Вселенная позволила бы. Правда, она все равно найдет способ наказать за неспортивное поведение.

Самое время поджать его исподтишка: – Подожди, ты все-таки серьезно веришь во Вселенную? Да, мы говорили про ее бестелесное составляющее. Это не совсем вяжется с образом справедливости и правосудия.

– Почему нет? Она может оберегать нас. Плана нет, но, может, цель есть? Таким образом, ее существование возмож-

но. Отсюда и законы. А ты не веришь?

– Не. Это все выдумки, конечно. Свод законов, придуманный кем-то, чтобы нас приструнить.

– А ты что думаешь? – Спросил он, с надеждой глядя на Машу. Интересно, с каких пор она стала для него авторитетом?

– Не знаю, может, Вселенная и правда существует. Моя мачеха говорит, что человек сам причина всех своих следствий, так что это всяко больше имеет смысл, чем гонение на неудачное стечение обстоятельств, подаренное Высшей.

Антон немного подумал: – Да, тут не поспоришь, но эти случайные неудачи нельзя отрицать.

Она пожалала плечами: – На всякое событие найдётся свой виновник. Наверное, человеку проще его найти в чем-то необузданном, нежели в ком-то близком и осязаемом.

Он никак не мог сомкнуть челюсть. Пытаясь продолжить диалог, он что-то выискивал в воздухе, но тщетно. Что ж, придётся помочь бедолаге.

– Просто признай, что законы Вселенной – полная чушь.

– Речь не об этом, – возразила она, – законы не сочиняются просто так. Как говорится, техника безопасности пишется кровью. Здесь аналогия. Законы созданы, чтобы предотвратить несчастные случаи. Я знаю, люди любят сетовать на лишение тем самым свободы, но и она всегда ограничена. Свод правил – просто напоминание об этом.

Антон похлопал в ладоши. – Я думаю, ты могла бы стать

хорошим адвокатом.

Она улыбнулась: – Для этого надо изучать красноречие и юридическую магию. Ты опять все сводишь к колдовству.

Они посмеялись.

Мое лицо было бледнее лежащего на траве снега. Я стал третьим лишним.

Я знал, что не был лишен внутреннего бессилия. В данный период жизни я просто существовал. У меня была дополнительная поддержка, рычала, царапалась, тяжело дышала. Я проглотил стоявший в горле ком, что создавал раздражающую боль. Я ненавидел эту картину, но не мог оторвать от нее взгляд. Будто специально мозолила глаза, чтобы стать еще злее.

Я перестал спать вовсе.

Теперь я проводил в школьных стенах целую ночь. Я знал, что это полное безумие. Адекватная частица меня молила бросить все и оставить эту затею, но уже не мог. Пути назад не было. Она будто растворилась в текстурах и стала недоступной.

В моих руках склянка с «Забвением». На поясе стальной меч, оставшийся от очередного квеста Васильева с поимкой куриц. Да, это не пресловутое серебро, которое без остатка избавляет от нечисти, но все же лучше, чем сражаться голыми руками.

Я шел по зову сердца.

Я знал, что он явится именно сегодня.

Я чувствовал, что он готов быть побежденным.

В моей голове проворачивались слова Антона, адресованные Маше: – «А Илья у нас – избранный! Да, ему с самого детства пророчили, что он должен стать спасителем мира». Я специально запомнил все слово в слово. Сам глумится надо мной, да еще и мою принцессу развращает. Ублюдок. Я докажу вам всем, что я тот, кем являюсь на самом деле. Сейчас пророчество сбудется.

Я душил возникающие сомнения всеми оставшимися силами. Я пытался сделаться мертвым, чтобы больше ничего не осталось от бывшего меня.

Пройдя небольшую территорию, я почувствовал, как мелкая дрожь бежит по телу. Это страх. Я бессознательно и боюсь его и хочу увидеть. Я чувствую его глаза, пылающие ярким огнем, как два камня драгоценного граната. Две искры в темноте. Эта черная дымка, напускающая неприятный холод.

Я все шел и шел. Путь казался мне таким долгим.

[Чего же ты ждешь?...] – отчетливо услышал я.

Я вспомнил, как впервые услышал это. Это было после встречи с Машей... Точно...

Я так и не понял, как она связана с предвестником конца.

Перед моими глазами возникла та знакомая картина. Они смеются. Им весело. Они улыбаются, не замечая меня. Им хорошо без меня. Им хорошо там, где меня нет. Вот откуда

эта боль в груди.

Все это время из меня не вырывался Зверь, он не был закован пленом моего измученного сердца. Это была боль, ее олицетворение. Она пыталась сделать выплеск, но я удерживал ее всеми силами. Буквально наслаждался этими душевными терзаниями.

Я крепко сжал склянку.

«Я могу закончить все это, просто посыпав этим «пеплом» голову»

Откупорив затычку и занеся зелье над головой, я остановился. Было непросто решиться на такой шаг. Что-то мешало. Наверное, мне есть что терять. Я еще не лишился всего.

Снова опустил руку. Вот же – избавительное испарение волшебной жидкости. Я с шумом выдыхал воздух и кусал губы. Еще одна попытка.

[Она тебя не любит...] – сказал мне голос из темноты, – [Она тобой играет, как все эти. Они все одинаковые. Ты знаешь это...]

Да, точно, я всегда знал это...

Что же я творю? Я схожу с намеченного пути. Какой позор!

Я, не побрезговавший пойти в зоопарк, упорно тренировавшийся и заключивший сделку с духом-мошенником, вот так просто сдаюсь. Что бы на это сказал мой отец? Черт, он еще не знает о пропаже артефакта...

Ничего, я смогу осуществить задуманное и без него. Я до-

кажу ему, что способен на это и без всякой имбы.

Интуитивно, я вынул меч. Если сражаться надо будучи мертвым, то я согласен умереть. Я порезал палец. На пол капала яркая красная кровь, похожая на тот сок, что разливают в столовой.

Зверь почуял мою приманку.

Мгновение спустя я почувствовал неприятный холод, последовавший по моей спине. Кожа моментально огрубела. Мерзли руки, но температура в здании не менялась.

Он стоял передо мной. Большой, черный, вселяющий страх.

Он смотрел на меня сверху вниз.

Глава 5

Я сидел на уроке геометрии и пытался вникнуть в заданный материал. Попытка была тщетной.

Занятия шли своим чередом. Коридоры были заполнены учениками. Их голоса сливались в шум, что заполнял вакуум их разума. Нет больше ни цели, ни средства для их достижения. То, что трескалось – сломалось окончательно.

– Ты какой-то сам не свой. – Сказала Полина, сидевшая впереди меня. Она обернулась в мою сторону, подпирала ладонями лицо и мечтательно смотрела на меня. – Что-то случилось?

Я пялился в тетрадку, на листах которой были записаны нерешенные задачи и щелкал механическую ручку: – Нет, все как всегда.

– Странно, но ладно. Слушай, а ты любишь детей?

– Почему такой внезапный вопрос.

– Да так, кое-что одна птичка нашептала интересную мысль. Вот, решила спросить.

– Нет, не люблю. Они сейчас все какие-то развращенные. Говорят невнятные слова. Ну, там... кринж, поридж, рофл.

– Хм, звучит, как эльфийский жаргон.

– Да, какая-то развращенная глупость. Осуждаю такое поведение.

Мы некоторое время сидели в молчании.

– А вообще мне досадно слышать это. Не любить что-то, просто потому что не понимаешь. Как-то... однобоко, что ли? Ты рассуждаешь как старик. – Я молчал. – Да и вообще, разве тебя не любят родители? Ты ведь тоже когда-то был ребенком...

Спокойствие рассеялось в ту же секунду. Донесся звук упавшей на пол ручки. Этот вопрос сработал как бомба замедленного действия. Я резко встал, опираясь о парту, и испепелял ее взглядом.

– Да, что ты, черт побери, понимаешь, избалованная сучка?!

Ее глаза тут же увлажнились. Все, кто был в кабинете, косо смотрели на меня. Видимо, сделали свои поверхностные выводы, вырвав мои слова из контекста. Они порицали мой порыв эмоций. Я выбежал из кабинета, не желая слушать притворную истерику.

По дороге я снова чуть не сбил Ларису. Она, заливаясь краской, пыталась со мной полюбезничать, но я отвечал кивками. У меня нет времени на ее скучную болтовню. Да и отголоски несбывшегося желания все еще отдавались во мне.

Апрельский дождь! Апрельский, сука, дождь! Весь мир направился против меня! Я только-только забыл все это, какого черта мне об этом напоминают снова и снова!

– И ты пришел снова...

– Будто ты этого не знал!

На самом деле я шел домой, но на полпути одумался. Мне нужна поддержка. Получить ее не от кого. Ноги сами привели меня к Зеркалице. Какая ирония...

– А платы, я смотрю, у тебя нет.

– У меня есть я.

– Ох... душу, стало быть, желаешь отдать? Да тебе от силы лет семнадцать. Ты пережил не так много. Какую историю ты в себе хранишь? Ты даже не сражался толком. Худ, слаб, жалок. Слишком пресен в качестве платы.

Я даже начал понимать замарашку. Слова существа никак не задевали меня. Даже смеха не вызывали. Звонящая пустота, которая доносится от ее подобия.

– Жаль, тогда придется уйти. Обидно, что ты останешься без пищи.

– Ну-ну, не так быстро. Это не значит, что мне нечего показать.

Ожидаемая реакция. Он снова кружил потоком воздуха.

Я ощутил небывалую тяжесть.

Снова став ребенком, я подкрался к прихожей, чтобы разведать обстановку.

«Вряд ли деньги испортили его», – сказал женский голос. Это была моя тетя. Она никогда не славилась выдающимися мыслительными способностями, но когда-то я любил слушать ее сказки. Постепенно она становилась редким гостем в нашем доме, а потом и вовсе пропала с поля зрения. Про-

сто перестала выходить на связь.

Я также слышал мамин плач: «На самом деле он всегда был мелочным и мыслил стереотипами. Всегда хотел создавать свои законы, и что б другие ходили по струнке. Раньше у него для задуманного не было средств, а теперь вот появились. Да и еще как? Щелчком пальцев!»

Мое сердце невольно сжалось. Я снова вернулся в реальность.

– И лишь за это видение ты хочешь мою душу?

– О, нет, это была демонстрация. На самом деле люди ценнее всяких предметов. Я могу показать тебе что-то более вкусное для твоего разума, если ты согласен на сделку.

Я чувствовал, что земля уходила из-под моих ног. Я ощущал такую сильную слабость, что не мог стоять, не опираясь о ствол ближайшего дерева. Глаза сами наливались свинцом.

– Что ж, я согласен, только есть одно «но».

– Какое же?

– Покажи всю свою мощь. Покажи все, что я должен знать. Древообразный дух рассмеялся.

– Я разгадал главную загадку. Теперь я знаю, чего ты боишься. Ты боишься своего будущего.

– Чт...

Он протянул руки и сжал их у моей шеи. Тонкие длинные пальцы впились в мою плоть, забирая мое дыхание.

Поинт здоровья исчез. Осталось последнее.

Школа. Темные коридоры. Кто-то ходит в полутьме, высокий, защищенный с ног до головы легкой броней, но это не мой силуэт.

В его руках сверкает начищенный меч, отражая лунный свет.

Его путь был долгим. Шагал он нарочито медленно. Он также как и я – боялся, но не пытался отступить. Он знал, что его будущее предрешиено и оно наступит, но оттягивал его как мог.

Когда-то, в далеком детстве, один древний монах заметил в нем потенциал. Сказал, что он – тот свершит пророчество. То самое древнее пророчество о спасении мира от Черного Зверя.

Шли часы, дни, месяцы. Никакого следа. Отчаявшись, он хотел бросить бессмысленное занятие, но это было не так просто. Осознание – это всегда больно. Вера в собственную исключительность – единственное обезболивающее средство, которое помогает на долгий срок.

Когда черная дымка пронеслась и перед его глазами, он стал фанатично преследовать ее, но и тут его ждала неудача.

Лишь однажды, он явился перед ним в полном облике, когда тот был готов принять свое поражение. Зверь – олицетворение боли. Зверь – предвестник конца.

Я не слышал, о чем они говорят, потому что общаются они телепатически. Интуитивно я понял, что герой заключил с ним контракт, но также я чувствовал подвох. Вероятно, ни-

кто никого не хотел убивать, и они договорились о перемирии. Зверь любит полакомиться разбитыми надеждами, а у этого парня их хоть отбавляй.

Прошло время, уже другой человек скитался по школе в погоне за добычей. Тот же сценарий, та же боль, то же неизбежное бессилие. Тот, прошлый охотник, много лет готовил план мести, взрастил его в своем сыне. Теперь на этом поколении лежит груз ответственности. На него возложена ответственная миссия, отказаться от которой не имеет морального права.

Правда, ему можно отдать должное. Он пытался напасть на Зверя и даже ранил его, но стальное оружие для него не более чем нанесение царапины. Человек увернулся от его когтей, но повредил спину. Сражаться больше он не мог.

Спустя годы он узнал о воздействии серебра и обсидиана. Сейчас оружие из драгоценного металла – большая редкость, а найти что-то из обсидиана – почти невероятно. Все то, что хотя бы частично состоит из этой горной породы, считается легендарным лутом.

Поиски занимали достаточно много времени. Он двигался по карьерной лестнице путем дружбы с полезными людьми, обмана и подставы. Он ходил по головам, не замечая недовольных выкриков. Других людей для него не существовало. Теперь высокий статус позволял ему узнавать о работниках своих компаний, и какими артефактами они владеют.

Семья Инги, работавшая тринадцать лет назад в недавно

купленной им мануфактуре, попала под горячую руку. Объект разорился, сотрудники попали под сокращение, а долги были навязаны для изъятия ценного имущества. Так кинжал перешел в его руки. Это был самый удачный улов за всю его жизнь.

Он больше не пытался напасть снова. Старая травма давала о себе знать. Он возложил этот тяжкий груз на мои плечи. Теперь я здесь, чтобы продолжить начатое.

«Зверя видишь лишь однажды, дальше только смерть»

Теперь я понял смысл сказанного. Это не буквальное прочтение. Точнее, смерть действительно существует, но моральная. Мой дед – мертв, мой отец – мертв, теперь они сделали мертвецом меня. С самого первого дня моей жизни все шло к этому. Я с самого начала был мертворожден.

Монах не говорил о том, что Зверя нужно убить, чтобы спасти мир. Он ничего не объяснял о том, что с ним делать. Он просто посмеялся над нами. Проклял словом весь наш род. Зверь же исцелил его, оставив ему осознание, но не забрав самую обычную людскую глупость и убежденность. Перенес свою неизбежную участь на некоторое время, путем негласной договоренности.

Лжецы и преступники – вот вся моя семья. Теперь я понял это. Все кругом лишь поощряют его преступление. Мама – своим молчанием и оправдывающими сказками на ночь. Мачеха Маши – не озвученными вопросами. Полина – неведением и предубеждением. Женщины, чертовы женщины. Те-

перь и сама Маша готова быть кусочком этого общества, связавшись с недостойнейшим.

Да, ветка все-таки сломается на мне. Я остановлю это безумие.

Теперь, когда у меня не было души, становилось морально легче. Я будто прозрел и обрел невероятную легкость. Ответственность больше не касалась меня.

Я пришел домой. Меня встретила мама, занимавшаяся рукоделием, сидя в кресле-качалке.

– Как в школе дела?

– Нормально.

Взгляд мой был пуст. Слова не имели ценности и не только мои.

– Что-то случилось?

Я посмотрел ей прямо в глаза. Испугавшись, она спрятала свой взгляд. Она всегда стремилась обезопасить себя, выстроив удобную стену. Противно и тошно. Я молча прошел мимо нее.

На стене висело небольшое полусломанное оружие. Оно было трофейным и осталось от былых побед отца. Имело декоративную функцию, потому что его стату оставляли желать лучшего, но поранить способно.

Отец был в своем кабинете. Видимо, приехал недавно после очередного разбойного набега на государственное имущество. Я зашел не постучавшись. Неуважительно. Впро-

чем, он должен чувствовать все то, что я к нему испытываю, но это не более чем пустота.

Он смотрел на меня исподлобья, сидя в кожаном кресле.

– В чем дело, молодой человек?

И это все что ты мне можешь сказать, грязный подонок?

Я ничего не говорил вслух, все равно, что камни в стену кидать, какой смысл?

Взяв в руки меч, я направил лезвие в его сторону. Он лишь закатил глаза и тяжело вздохнул.

– Что еще? Возрастной кризис? Подростковый бунт? – Он встал из-за стола, показав всю габаритность своей туши. Он закрывал собой всю стену, которую украшала картина. – Намотай сопли на кулак, мальчишка, и иди вперед! Ты снова сбился с пути, и ищешь врагов в своих союзниках! Позорище... Ты вырос и больше не ребенок, но ты так и не стал мужчиной. Ты не имеешь никакого права наставлять нож на меня!

– Поч... чему... же? – Я дрожал и плакал. Я не чувствовал боли, ее не было. Досада была. Вот это существо – мой отец...

– Я дал тебе все, что мог дать. Это твоя благодарность? Бездарный мальчонка! Кем бы ты был, если не я?

– Ты знал, да? Ты знал, что будет, когда я увижу Зверя?

Он, очнувшись, оглядел меня с головы до ног: – Где кинжал?!

Я догадывался, что вещи для него важнее ментального

здоровья собственного сына, поэтому я не удивлялся такому приоритету.

Я шмыгнул носом: – У законного хозяина.

– Идиот! – Ударив кулаком об стол, провозгласил он. Его слова эхом доносились по всему помещению. Он и сам был словно дом, такой же крепкий, холодный и существовал как отдельная защитная территория. – Ты – его законный хозяин! Тебе принадлежал древний артефакт!

Сглотнув, я постепенно переставал его бояться.

– Ты все еще думаешь, то он имел ценность? Нет, пап, это твои домыслы. Он не стоил ничего, кроме памяти. Тебя можно устранить и обычным мечом.

– Меня?

Тренировки не прошли даром. Я подбежал, запрыгнув на стол. Тот был изворотлив и не хотел уступать, но я все же оказался хитрее. Столько лет наблюдения за ним отразились в моей памяти. Я помню, что спина его самое уязвимое место. Я просто сбил его с ног и повалил на пол. Резко встать он физически не мог.

Спустя мгновение он рассыпался на невзрачный лут. Кроме денег от него не осталось чего-то более сокровенного и ценного. Как же хорошо, что человек имеет такое свойство как старение. Оно обычно показывает чего он стоит на самом деле в течение всей жизни.

На стене висел портрет покойного дедушки. Я располовинил его одним взмахом.

Это твоя вина.

Теперь я утолил ту жажду, что я испытывал долгое время. Я дышал так громко, что этот звук проносился эхом в моих ушах. Пот капал со лба. Осознав содеянное, я так громко засмеялся, будто мысленно находился в компании Антона и Маши. Да, если бы они были рядом, я смог бы пересмеять их обоих. Жаль меча надолго не хватит, он вот-вот рассыпется на части, словно пазл.

Мама, напуганная моей реакцией, тихонько подкрадывалась сзади.

– Что... что происходит?

Я спокойно повернулся к ней и перед ответом сделал глубокий вдох: – Очищение.

Я не мог не испытывать веселья.

У меня никогда не было детства. Оно было украдено этими двумя мошенниками. Всю жизнь меня растили, чтобы вкладывать в меня свои несбывшиеся надежды. Закомплексованные уроды, незнающие цену проигрыша.

Теперь у меня были средства, оставшиеся от отца. От матери взять нечего, я устранил ее просто так. Бесила ее, подобная амебе, фигура.

Я вышел из дома и почувствовал дуновение свежего ветра. Я смог вдохнуть эту жизнь полной грудью.

Улыбался, пританцовывал, напевал. Кажется, я начал понимать Полину, но лишь отчасти. Правда, оружия у меня

снова не было, но ничего, я что-нибудь придумаю.

Все было хорошо, пока я не увидел их вместе. Маша и Антон сидели у ступенек школьного входа и что-то обсуждали.

Теперь я все понял.

Я все это время добровольно обманывал себя. Глупец. Позволил обводить себя вокруг пальца. Осел! Баран! Я видел ложную цель.

Не было той Маши, которую я видел изначально. Теперь мне стало ясно, она умела только одно: Создавать впечатление. А я, дурак, повелся на милое лицо и хрупкое тельце. Она наверняка и олимпиаду выиграла специально, чтобы просто утереть мне нос. Комедии все эти, рыбалки и прочие примитивные занятия. Добровольно разжижение мозга, чтобы заделать таких же недальновидных ублюдков в моем лице. Как же вовремя я заметил все это. Как хорошо, что я вырвался из этой паутины, которую она сплела. Зверем всегда была она, он дремал в обличии принцессы. Вот и вся связь. Все сходится.

Я сжал кулаки, но не высовывался. Они зашли в здание.

От них тоже следует избавиться, но всему свое время. Мое сердце не болело. Я высвободил боль, теперь она не управляла моим разумом. Холодная голова, значит, Саша? Что ж, я надеюсь, ты рада появлению цели в своей жизни. Ты начала этот хаос своим малодушием. Пожинай теперь плоды своей глупости.

Полина не решалась столкнуться со мной взглядом. Шляпу больше не носила. Видать, потеряла веру в свои силы. Так ей и надо. Больше не будет совать свой нос, куда не просят. Пусть свои психологические анализы оставит при себе. Между строк она читать умеет. Гадать... Ага, как же...

Впрочем, я был так зол, что хотелось кого-нибудь специально обидеть.

Я так хотел навредить ни сколько Антону, сколько фальшивой принцессе, но искать их по кабинетам лениво. Лучше достать ту, что сама не прочь быть униженной. Полина жила этим чувством. Ее хлебом не корми, дай ощутить себя обделенной.

– А что ты ко мне не подходишь? Неужели я тебя ранил?

– Сам будто не знаешь...

Ух, ты, губки надула. Еще одна фальшивка. Сама для себя решила, что она умная, все еще пытается играть эту роль до последнего, покидающего зал, зрителя. Нужно быть, а не казаться, глупышка.

– Ну-ну, извини.

Скрестив руки, она мельком оглядывала меня: – Ладно. – Попалась. Может, рыбалка не такое уж и плохое занятие? – Не понимаю, что на тебя вообще нашло...

– Много всякого произошло за последнее время.

– Вот как? Ты не рассказывал мне.

– А должен?

Та фыркнула. – Почему с тобой так сложно? Ты обижа-

ешься всякий раз, когда я не могу что-то наколдовать. Поджимаешь мне сроки, истеришь на ровном месте. Стоит мне спросить тебя о чем-то, ты будто делаешь мне сверхважное одолжение. Ты даже не можешь толком сказать есть у нас отношения или нет.

– Есть.

– Вот как? – Спустя несколько секунд молчаливого удивления сказала она. – Ты говоришь это, чтобы избавиться от выяснения отношений, не так ли?

– Да нет, я серьезен. – Пусть получает то, что хочет. Это ее потолок.

– Не верю. Так не бывает.

– Времена меняются.

– Значит, у нас с тобой время идет по-разному.

Я думал, та от меня отстанет, но вместо этого она снова заплакала. Черт побери, что ж ты так любишь капать на мозги?

– Что еще?!

– Почему ты врешь мне?

Раздался хруст моих костяшек: – Да с чего ты взяла?! Ты хотела отношений? На, получай! Надо будет – на блюдечке с голубой каемочкой тебе их поднесу! Отцепись только от меня со своими вечными расспросами! Я твои издевки терпеть не могу! Ты даже не представляешь, как ты иногда меня бешишь! Будь благодарна за то, что я не послал тебя в чертоги вулканической породы вслед за злополучным кольцом!

Пошмыгав носом, она ненадолго прояснилась.

– А помнишь, как пару лет назад ты мне пожелал, чтобы меня устранили в подворотне? Просто потому, что у меня не получалась «Змеиная ловкость» несколько раз подряд. Я тогда сдержала себя, простила тебя в сердцах. Думала, может день плохой выдался.

– Ты меня неправильно поняла, я не это имел в виду. Хочешь напомню тебе, как ты мне...

– Именно это. – Прошептала она, вытирая рукавом свои сопли. – И поняла я всё верно. Перестань меня дурить. Илья, я тебя люблю. Люблю, понимаешь? Я тебе все на свете готова простить. Готова твой дрянной характер терпеть, нервы все твои, лишь бы быть с тобой. Ты же в свою очередь не любишь никого, кроме себя. Знаешь, что самое ужасное? Я до сих пор хочу отношений с тобой. Жду и верю, что ты изменишься. Понимаю, что это невозможно, но вот теплится надежда, что придёт Вселенское чудо и выполнит мое желание. Хоть иди и дракону сердце рви.

– Боже, ну какой же бред ты несёшь! Дракона какого-то придумала. Может, тебе психушку вызвать? Нет, чтобы нормально сказать, что ты от меня хочешь, так нет же, из меня дурака надо лепить! Нет уж, ищи другого. Я для этой роли не гожусь. Хватит с меня твоих психов! Я тебе сделал предложение, ты от него отказалась. Вини в этом себя!

Она заревела ещё громче, присела на пол и начала дергать себя за волосы, приговаривая: «За что ты так со мной?»

Какая же ненормальная.

Люди, проходившие мимо нас, оглядывались, бросали осуждающие взгляды, указывали пальцем. Актриса погорелого театра! Позерка! Все, лишь бы получить одобрение толпы. Все, лишь бы ее жалели.

Я встал над ней, не скрывая своего пренебрежения.

– Конченная. – Такое уmozаклучение я оставил напоследок. Нравится страдать – пускай. Ненавижу жертв. Но делать меня виноватым в собственной глупости не позволю. Хватит с меня.

Я следовал за Машей по пути домой.

До этого ее задержала та компания, с которой мы играли в карты. Они о чем-то мило беседовали. Похоже, они нашли в ней сестру по разуму. Неудивительно. Подобное всегда притягивается к подобному. Впрочем, она так деградировала за это время, что и сама уже рада приткнуться хоть к кому-нибудь.

Помахали друг другу руками и попрощались.

Я держал дистанцию в три метра, но та не оборачивалась. Впрочем, я достаточно изучил ее повадки за это время. Бдительность не ее конек, что только играет мне на руку.

У меня даже маленького ножика не было, все отдано. Поэтому я обдумывал, как сбить ее с ног. Моя фантазия вырисовывала причудливые картины. Она лежит на земле, в пыли и беззащитная. Я склоняюсь над ней, протягиваю ей ру-

ку. Когда та пытается ухватиться за меня, как за тростинку, я быстро убираю ее за спину. Смеюсь ей в лицо, громко, чтобы вся округа слышала это. Я начинаю пинать ее ногами. Выплескиваю всю свою силу. Ее свитер с дурацким рисунком окрашивается в гранатовый цвет. Я сжимаю ей горло. Своими тонкими пальцами. Она хватается ртом воздух, но я лишь надсмехаюсь над ее тщетными попытками бороться за жизнь.

Я прокусил губу до крови. Как же приятно представлять ее получающей должное. Вот что ты сотворила со мной, принцесска. Теперь и ты пожнешь плоды собственного лицемерия. Ты думала, что можешь использовать меня для самоутверждения? Да черта с два, я даже все стихи сжег. Это детский лепет. Теперь я смотрю на вещи по-новому. Больше бывшего меня не было. Это все – ваша вина.

Я подходил все ближе и ближе.

Моя рука дрожала. Я выставил ее вперед, пытаюсь коснуться плеча. Я только-только сжал кисть и почувствовал ее испуг, как мимо нас пролетела стрела.

Проклятье! Это была ее подружка.

– Маш, отойди от него! Живо!

Но та была вечным тормозом. Растеряно смотрела то на меня, то на Сашу. Я и не думал разжимать руку. Мне нравилось это чувство контроля над человеком.

– Руку убери!

– И что ты мне сделаешь, замара...

Стрела пронеслась близ меня, отстрелив часть уха. Я ощутил резкую боль. Сердце дало треск, но не пропало. Ах, черт. – Не доводи меня, делай что сказано!

Пощупав ранение, я собрал кровь. Какая же она красивая... Так ярко переливалась в свете солнца на моих пальцах. Дразнила, играла своим отражением. Я мог вечно смотреть на нее.

– Ты меня не слышишь, что ли?!

Я, испытывая недовольство, резко дернул носом и отшвырнул свою намеченную цель. Та не упала, удержалась на ногах. Жаль, конечно. Впрочем, до нее еще дойдет очередь.

Сейчас я подбегал к защитнице. Та выставила вперед меч.

Она сделала несколько неумелых взмахов, но я ловко увернулся. Фехтование – не ее сильная сторона. Впрочем, я сам стал другим. Научился видеть больше. Теперь мне не нужны зелья. Я смирился со своей природой и стал тем, кем был изначально. Я...

Я...

Раздался пронзительный лязг. Ее оружие ближнего боя упало на землю, и я пнул его подальше в кустарник. Я смог выбить его из рук, пусть и поранив ладонь. Я подавлял боль. Она существовала отдельно от меня, как другая личность.

Саша смотрела на меня, широко раскрыв глаза. Должно быть, почувствовала этот яркий блеск во мне.

Я подставил ей подножку, но и та не упала. Ай, какая досада! Но ее прицел хорошо сбит. Ей нужно время, чтобы прий-

ти в себя.

Маша все это время стояла в стороне и теребила лямку сумке. Дрожала. Бегала глазками. Бесплезное создание. Ни сама сражаться не хочет, ни подруге помочь, ни стыдливо убежать куда подальше не может.

– Ну, что, покажешь мне свою силу?

Та сглотнула и начала отрицательно качать головой. Теперь наш глазной контакт был непрерывен. Страшно видать. Эх, жаль, что мне не удалось провернуть то же самое с Ларисой. Такая же сладенькая внешне. Чем дольше ее видишь, тем больше хочется блевать.

– А что же так? – Театрально продолжил я, не забывая излишне жестикулировать. – А-а-а, лестницы нет! Какая жалость! Ты же только исподтишка умеешь нападать, как твоя подружка, да? Прямой контакт не для тебя, не так ли?

– За... за что?

– Черт, что? Ты серьезно? Ты еще смеешь спрашивать это? Слепая дура! Слепая, безынициативная, скучная. Такая, как ты, всегда будет слушать мамочку, и жить по ее указке. А мамочка-то тебе не родная! Куда другая подевалась, а? Мне противно смотреть на такое убогое существо как ты.

Странно, но она не плакала. Более того, она будто успокоилась и перестала дрожать. Апрельский дождь! Она, вообще, хотя бы одно слово поняла? Как об стенку горох.

Она хотела что-то сказать, но я быстро подбежал к ней. Самое меньшее, что я сейчас хочу, это выслушивать ее бес-

полезные оправдания.

Саша была быстрее. Левой рукой она прикрывала подругу, правой выставила вперед палку.

– Даже не смей, ублюдок! Маш, ты в порядке?

Та еле заметно кивнула: – Только слабо понимаю происходящее.

– Честно говоря, я тоже. – Она говорила все это, не спуская с меня глаз. – Я с самого начала догадывалась, что он не в порядке, но что б настолько!

– Это я-то? Пф, ты себя давно в зеркале ви...

Она не стала меня слушать, чем не на шутку разозлила мое нутро: – ... Впрочем, смотри какая наглядная иллюстрация того, о чем мы говорили. Умный он, говоришь? Вот тебе и умный. Я тебя с самого начала предупреждала, мне не понравилось его быстрое сближение с тобой.

– Я думала... мы друзья... Он начитанный и интересный. Я никогда бы не подумала, что он может быть злодеем...

Саша тяжело дышала.

– Все, как и было сказано ранее: Чем больше человек распространяет вокруг своей персоны мистики, тем больше пустоты у него внутри, Маш. Вся эта начитанность, просветительство, высокодуховные разговоры – на деле не более чем глухой звук, исходящий от постукивания по плотной древесине. Теперь ты веришь? Вот, мы и столкнулись с таким веруном в высокие идеи. Ты ни в ком не сыщешь такой потрясающей скупости ума и негибкости мышления. Теперь нам

предстоит как-то от него защититься.

Я рассмеялся от этого убогого зрелища: – Что за глупое клише – разговаривать перед боем? Прекращай мусолить эту ересь! Если это ветка железного дерева, это не значит, что она способна меня сразить.

– Зато может выбить твои зубы!

Я снова напал на нее, но тут же получил отпор. Удар пришелся и по рукам и ногам. Болело все. Чертова палка. Я заметно выдохся.

Отдышавшись, я сделал новый замах кулаком, но меня остановили снова.

– Стой и не рыпайся. – Сказал парень в шапке, мгновенно подойдя ко мне и наставив на меня нож. Я успел уловить шум, но не догадался, что тот так быстро настигнет меня.

Саша заметно обрадовалась: – Как же ты вовремя!

– Это он-то избранный? – Обратился он к ней.

Та покивала: – Он напал на нее. Не знаю зачем, его мотивы непонятны. Маш, пожалуйста, беги домой со всех ног. Дальше мы справимся сами.

Она послушалась.

– Понял. Ну, что, избранный, на контакт идти будем?

Я, и без того морально уставший, просто вытянул руки вперед в знак непротивления. – Не бейте меня, товарищ начальник. Я если что нарушил – так по незнанию.

– Не паясничай. От ответственности все равно не освобождает. Объясняться будем?

– Будем. Конечно, будем. Вы меня только отпустите, ладно? Меня вид оружия пугает.

– Да что ты? – Подключилась его подружка. – Еще совсем недавно ты вел себя по-другому. Плохой из тебя скоморох. Ты нам песни в уши не напевай, мы на твой сладкий голосок вестись не станем. Что еще ты натворил? Даже не смей врать, по глазам вижу, что скрываешь что-то.

– Ничего, кроме шалости.

– Врешь же, паскуда! Я тебя предупреждала не рыпаться, так ты на близких переключился. Инга уже нашла след Зверя, а ты все испортил. Больше всех надо было?

Злость переполняла мои внутренности. Они убили во мне человека. Ильи Силантьева, примерного ученика и послушного сына, больше не было. Зеркало показало мне истинное я. Оно подарило мне смирение, которое ранее я не мог поймать за хвост.

Я старался не завывать по-волчьи, но сдержать рык было сложно: – А вы его и не найдете.

– То есть? – Переглянувшись, спросили они синхронно.

– Да потому что я – и есть Зверь!

Я издал дикий рев. Подпитка последними событиями не прошла даром. Я ощущал силу. Она текла в моих жилах, заставляя сердце биться сильнее.

В ту ночь я стал частью Зверя. Мы столкнулись с ним глаза в глаза. Я знал, что не смог бы убить его. Потому я встал на колени и стыдливо просил пощады. Зверь не пытался съесть

меня, но он чувствовал переполнявшую меня боль.

[Ты звал меня?...]

Я кратко кивнул. Пытаясь нащупать склянку, она соскользнула из кармана брюк и с оглушительным лязгом разбилась об пол. Газ быстро рассеялся, не попав в должную цель. Звук отдавался эхом в пустых стенах. Он схож с той обронившейся у меня линейкой, но я не думал об этом. Я все еще помнил эти лапы на моей груди. Это чувство повторилось.

– Я... я хочу быть таким же сильным, как ты...

[Так будь мной!...]

Мои глаза загорелись красным светом. Они прикрывались от него руками, тем самым освободив меня.

Я испарился в черной дымке.

Раньше я выл от бессилия, теперь же все стало подвластно мне. Вселенная смеялась надо мной, подсовывая фальшивые цели, но я смог обыграть ее! Я обманул смерть! Я обманул Зеркало! Именно Зверь показал правду. Он подарил мне меня, настоящего! То, что передавалось по наследству и теперь стало моим по праву.

Я смотрел в его глаза и видел всю историю.

Я знал все.

Я все знаю! И всех! Я вижу вас насквозь! Вы любили меня, потому что хотели быть обманутыми! Вы боялись меня, потому что хотели быть убитыми! Вы не пытались сражаться со мной, потому что знали, что это тщетно!

Ваша вера не спасла вас. Магия тоже. Тренировки бессмысленны.

Я – Вселенная. Я – целый мир!

Глава 6

Я перемещался из места на место. Гулял по горам, ходил по воде. Любая точка в карте была доступна мне. Я разрушал здания, устранял мелких животных. Творил все, что приходило в мою холодную голову.

Сейчас во мне пылала ненависть. Ненависть – мой ориентир.

Я хотел разорвать этот мир в клочья и создать что-то новое. Что-то более идеальное, что не смогли бы и самые сильные маги.

Частичка трезвого разума говорила мне, что это долгий процесс, поэтому я начал с малого. Раздразнил вулкан, осушил пару рек, скатил лавину.

Это не избавляло от жажды, но здорово бодрило самочувствие. На мои глаза попались стаи диких оленей.

Я впервые выпил крови. Настоящей. Я чувствовал, как теплый сок заполняет мое нутро. Это было прекрасно. Лучше, чем то школьное пойло. Я – свободный. Я – счастливый. Я – неотъемлемая часть мироздания, от которого больше никто никогда не избавиться.

Я могу все и сделаю еще больше.

Пусть те, кто заслуживает смерти, пока дышат. Я доберусь до них, это дело времени. Сейчас я просто хочу насладиться

моментом.

Я грелся на солнце, лепил снежки, наблюдал за закатом и считал падающие звезды. Такой досуг не надоедал мне. От меня больше никто ничего не требовал. Меня не посылали на олимпиады, не спрашивал с меня отметок, не требовал результатов.

Я одолел Зверя. Я стал героем и спасителем человечества. Теперь люди должны быть благодарны моему равновесию. Я мог бы в любой момент создать конец света. Пусть больше никто не посмеет упрекнуть меня в равнодушии. Я рисковал жизнью ради никчемных игроков, не требуя ничего взамен.

Я получил то, что заслужил.

Я – Бог.

Внезапно погас свет. Я был во тьме.

Пугающая тишина, за которой ничего не следовало. Сначала я покорно выжидал, но теперь это пугало.

Я щелкал пальцем, пытался делать движения. Восстановить былой свет было мне не под силу. Черт... что же придумать? Неужели, это код?

– Знаешь, – сказал в моей голове знакомый голос, – а ведь я ничего не показывал тебе. Ты увидел то, что узрел в глазах Зверя. Ты всегда знал об этом. Ты всегда помнил об этом, но предпочел забыть. А душа? А что душа? Я не брал ее. У тебя ее никогда не было... С тебя и взять-то нечего.

Я будто перестал дышать.

Такой же мертворожденный, как и мои предки...

Некоторое время спустя произошел сдвиг. Резко появился свет, и я буквально ослеп, привыкнув к его отсутствию. Я чувствовал, что упал.

Мне удалось разглядеть какой-то кабинет. Все парты и стулья были убраны к стенам. Маша, Лариса и Инга смотрели на меня свысока.

Проклятое видение...

– Долго же мы тебя искали. – Услышал я позади. Что-то, а мерзкий голос Саши я узнаю из тысячи. – Нам пришлось изрядно потрепать код и устранить все баги, чтобы затащить тебя сюда. Да не рыпайся ты, мы тебя тоже почистили, пока ты в темноте бродил. Мы тебе отключили зрение при переносе. Вот так сюрприз, да? В тебе теперь даже былых статусов больше нет, не то что силы. Будет тебе уроком. Много же где ты наследил. Пришлось позвать всех твоих знакомых на подмогу. А еще сколько после твоих махинаций чистить придется, даже думать не хочу.

Маша с Ларисой неловко переглядывались, будто смущаясь от сложившейся ситуации. Инга же спокойно смотрела мне в глаза, скрестив руки на груди. Никакой эмоции. Просто участвовала в процессе.

– А вообще, мы здесь благодаря Ларисе.

Та залилась еще больше. Казалось, что она вот-вот заплачет.

– Нет, правда, не ожидала, что ты способна выяснить ме-

стонахождения.

– Ну, в учительской много секретов... так что... У нас собраны данные всех учеников, а за стенкой висит большая карта мира. Выследить на таком расстоянии конкретного человека проблематично, но возможно.

– Да, извини, это должно быть твое? – К ней подошла Полина со свитком в руках. Она также стояла позади и я ее не видел. Надела на себя шляпу и плащ. Опять что-то пытается доказать. – Прости, что пришлось украсть это. Мне очень стыдно за эту оплошность. Я готова за это понести наказание, если это неизбежно.

Тс, напускная жертвенность. Человек совсем ничему не учится.

– Ах, вот где он. Хорошо, что он нашелся. Это ведь не ты его взяла, верно?

Та, вздохнув, промолчала.

– Так, дамы, надо кое-что объяснить. – Сказал парень в шапке, хлопнув в ладоши, чтобы те посмотрели на него. Он был высоким, но все равно привлекал к себе внимание звуками. – У блюстителей есть обязанность стереть память и все вернуть на круги своя. Если у кого-то есть что сказать – начинайте как можно скорее. Больше возможности не будет.

– Зачем? – Спросила Инга. – Они ведь все равно все забудут.

Он пожал плечами: – Психотерапия. Лучше выплеснуть все это, чтобы потом избежать недосказанностей. У вас, та-

ким образом, пропадет чувство незавершенного дела. Это, в свою очередь, большие проблемы создает.

– Ну, тогда я начну. Мне быстро.

– Валяй.

Она нагнулась и посмотрела в глаза: – Я ножик твой продала. Мы на эти деньги однушку купили. Хороший артефакт, полезный. Теперь мне есть, где нормально ночевать.

– Так, кто следующий?

– Я... – Несмело сказала Лариса, подняв руку. – Знаешь, ты мне очень нравился. Мне было приятно пообщаться с тобой и попить чай. Честно говоря, я все еще не верю в то, что ты пытался меня устранить. – Я хотел спросить, как она узнала об этом, но не мог ничего озвучить. Опция голоса была скручена на нуле. – И... и я не приемлю воровство. Это плохо! Я... я просто не могу поверить, что стала участником преступления! Снова... Это так низко! В общем, я все сказала. Я благодарна тебе за помощь. Я рада, что познакомилась с тобой. Однако я приняла решение – держаться от тебя подальше! Вот, теперь точно все!

Ко мне подошла Полина.

– Теперь я. Мне тоже быстро. Точнее, мне, в общем-то, нечего сказать. Я выплакала все, что было. Ничего не осталось. Ты поделил мой мир на черное и белое, и даже полутонов не оставил. Ты причинил мне много боли, но какая теперь разница? Ты до сих пор не понял этого, а я так и не смогла понять тебя. Я постараюсь идти дальше. У меня есть

мечта и цель – я стану магом. Твоя жизнь мне больше неинтересна. Теперь я сепарирована от твоего влияния. Оно для меня губительно. Что насчет тебя, постараюсь больше не изводить своими психами. Прощай.

– Так, Маш, Тох, есть что сказать?

– Да, есть. – Подтвердил Антон, которого я также не видел. – Просто хотел сказать, что иногда лучше не видеть настоящий внутренний мир человека, с которым ты, казалось бы, хорошо знаком. Мне жаль, что все так вышло. Ты был для меня наставником. Мне нравилось общаться с тобой на разные темы и даже спорить. Обидно, что это было не обоюдно. Даже сейчас я считаю, что ты прав. Я действительно дурак. Постараюсь быть внимательнее к людям. Спасибо. А, нет, еще кое-что. Давно хотел сказать, но стеснялся. Кхм... Мир – это не ты. Мир – это то, что вокруг тебя. Вся эта земля, эти растения, люди. Все что угодно, но не только лишь ты. Надеюсь, когда-нибудь ты поймешь это. Я тоже все.

Эти сумасшедшие будто хоронят меня. К чему этот фарс?

Я брыкался, мычал, пытался действовать, но был скован невидимыми цепями, прописанными в коде. Я не мог даже пальцем пошевелить.

– Ребят, а можно ему громкость хотя бы небольшую поставить? – Спросил Антон. – Я думаю, что он хочет что-то сказать.

– Ты уверен, что не пожалеешь об этом?

– Если я не буду учитывать его мнение, то начну проти-

воречить сказанному.

Парень кивнул. Закрыв глаза, он делал какие-то жесты рукой. Через пару минут я мог говорить.

– Ты че несешь, утырок? Какой, к черту, мир? Какие, блин, растения? Совсем крыша потекла? Ты у меня увел любимую! Ты делал все для этого с самого начала!

От этих слов Полина встрепелась. Лариса тяжело вздохнула.

– Правда? – Продолжил незнакомый мне парень. – А Маша знала, что она, оказывается, любимая?

Она в ответ отрицательно покачала головой. Полина расслабилась, но Ларисе от ее жеста легче не стало.

– Что? Я никого не уводил от тебя. Максимум помогал ей с литературой, у нее двойка может в четверти выйти. Твоя помощь не давала нужных результатов. И вообще, я никогда не задумывался об этом! Ты на мои слова рассердился, что ли? Тебе не понравилось, как я девушек описываю? Да я шутил же. Шутки у меня такие. Чувство юмора, пусть и дурацкое, но оно хотя бы есть! Я бы никогда не позволил себе такого маневра. Меня так не воспитывали, понимаешь?

– А почему я должен был решить, что ты ничего не замышляешь?

– Да потому что тебя как друга принимали, и я и она, а ты все полимеры похерил!

– Это меня-то держали за друга? Да я для вас был никем! Вы меня как собачонку при себе держали, и все ресурсы из

меня выкачивали, пока я со Зверем боролся! Я ради вас старался, чтобы вы были живы, а вы? Я для вас всю душу измотал, хоть бы что-нибудь получил взамен!

Антон тяжело вздохнул и опустил взгляд.

– Я тебя слышал. Все с тобой понятно. Игорь, выключи звук.

– Ага.

Я снова замолк.

– Маш?

Она вздрогнула: – Ну, я вряд ли что-то озвучу. Я скорее у вас, ребят, кое-что хотела спросить.

– О чем? – Поинтересовалась Саша.

– А нельзя как-то без стирания памяти? То есть, существует ли в настройках какая-нибудь опция... кхм, как бы сказать...

– Отключить самодурство? – Посмеялся Антон, будто никакого тяжелого разговора до этого не случилось. – Нет, Маш, боюсь, это так не работает.

– Он прав. – Подтвердил так называемый Игорь. – Такое надо начинать с детства. Дальше хуже и никакое перевоспитание не помогает. Если человек не желает излечиться сам, то ему никто не поможет.

– Жаль...

– Он тебе нравится? – Спросил Антон.

Она пожала плечами: – Не думаю, что он плохой...

– Просто запутался? – Встряла Саша. – О нет, Маш, ты

даже не представляешь насколько опасно так мыслить. Можешь разозлиться на меня, но, пожалуйста, не оправдывай его. Все, что он сотворил – было намеренно. Каждое его действие было обдуманным. Нечего жалеть жалких.

Маша сделала глубокий вдох: – Наверное, ты права. Да, человек сам причина своих следствий. Я уже и сама начинаю путаться.

– Поэтому мы здесь. Для этого мы существуем. – Подтвердил Игорь. – Есть еще что-то?

– Нет. Мне нечего сказать.

«Какая же ты дура. Ты мне нравилась, а сама натравила на меня Зверя. Еще и цитируешь свою глупую мачеху. Ты – следствие своего окружение, вот ты кто!»

Она посмотрела на меня, будто я сказал это вслух, но вскоре снова опустила взгляд.

Игорь снова хлопнул в ладоши: – Так, раз уж все гештальты закрыты, нужно сделать некоторые манипуляции. Правда, нужно начать с вас. Извините, но я вас предупреждал.

Они начали одобрительно кивать, пусть и без энтузиазма.

– Значит, мы должны забыть, что вы блюстители? – Спросила Полина.

– Да.

– Это нельзя обойти? Разве мы кому-нибудь разболтаем?

– Мы верим в ваше благочестие, но дело не в этом. Так мы тоже можем избежать проблемы, которые нельзя исключать даже теоретически. Лишнее знание развязывает руки,

понимаешь? – Та кратко кивнула. – Инга, тебя, как части команды, это не касается. – Она тоже согласилась со сказанным. – Для этого нам надо пойти в соседний кабинет. Времени должно занять минут двадцать, не больше.

– А почему так бережно стирается лишь один кусочек памяти? Не будет проще стереть ее полностью? – Спросил Антон.

– Ну, мы же не варвары! – Улыбнувшись, ответила Саша.

– Да и кодов меньше удалять. – Устало добавил Игорь.

– Это точно...

– Ну, что ж, прошу на выход.

Полина медленно плелась за ребятами, волоча подол своего плаща. Искоса посматривала на меня, но без злости. Скорее испытывала сожаление. Неуверенно размышляла о чем-то.

– Подождите. – Все остановились и повернулись в ее сторону. – Может, начнем с него?

Я брыкался еще сильнее. Вот же мстительная сучка! Так не терпится увидеть мои страдания. «Я тебя люблю» – да черта с два! Ты даже не знаешь, что это такое. Сама ты ничего не понимаешь в отношениях! Все твои познания ограничиваются лишь просмотром омерзительных мелодрам о скудных героинях.

– Можем и с него, – пожал плечами Игорь, – но с ним процесс долгий. Если вы готовы подождать...

– У меня есть это. – Она достала из-под плаща склянку

с «Забвением». Ах, черт, у нее был резерв. Пера-то два. – Это зелье для стирания памяти. Вы можете проверить его, мне незачем врать. Этот человек причинил мне много боли. Я хотела бы, ну, если позволите, совершить самосуд.

Саша многозначительно смотрела на свой объект вождения, а тот вдумчиво смотрел на стеклянную бутылочку, наполовину заполненную зеленой жидкостью. Другая половина – ее газ.

– Слушай, не думай, что я тебе не доверяю, но в этой жидкости может оказаться что угодно.

– Я понимаю, но я готова перекрестить сердце, пусть я еще не маг. Это ничто иное как «Забвение». Я думаю, Лариса может подтвердить мною сказанное. Я отдала ей свиток с рецептом этой жидкости.

Та в спешке развернула бумагу и быстренько прошлась по тексту.

– Хм, да... Думаю, она права. Это старое наречие, но заучивал меня понимать хотя бы общие фразы. Так вот, тут внизу есть приписка о должной консистенции и цвете. Все совпадает. Это может сработать. В любом случае мы ничего не теряем. Это настойка с розмарином, цветком мнемозины и пером василиска. Они не дают физических улучшений. Только воздействие на мозг.

– Хорошо, это поможет закрыть все недосказанности? – Полина ответила на это одобрителем кивком. – Тогда, сделай это сейчас, но мы обязаны засвидетельствовать все дей-

ствия.

– Понимаю.

Она поклонилась в знак благодарности и повернулась ко мне. Сделав тяжелый выдох, она смотрела мне в глаза.

Я всем видом пытался показать, что готов ко всему. Меня не заденешь этой мелочью. Подумаешь, забуду. Я уже и сам этому рад. Начну жизнь заново без предрассудков, ожиданий и попытками угодить толпе. Давай, магичка, действуй. Покажи, как глубоко я тронул твою хрупкую душевную надстройку.

Она тяжело дышала.

Крепко сжав бутылку, она замахнулась.

По ее щеке скатилась слеза.

Вот сейчас все кончится. И какой толк в набранном опыте? Ах, к черту все. Мне жаль, что вы потеряли в моем лице друга. Ну, что ж, горит сарай – гори и хата.

Я зажмурил глаза.

Склянка разбилась об пол, залив мои штаны и рубашку. Я чувствовал неприятную влагу. Осколки стекла были всюду.

Очнувшись, я увидел, что она все еще стояла надо мной. Испепеляла синевой глаз, роняла крупные капли слез. Я знал, то она хотела этим сказать. Я чувствовал ее замысел.

Она понимала, что никакое стирание памяти, ни естественное, ни искусственное, не поможет. Предупреждение о Зеркалице. Я должен был учесть это. Теперь уже поздно. Я сам воплотил свое будущее, а она оставляет меня наедине с

ним.

– Оно не подействовало? – Спросила Саша.

Я начал смотреть туда-сюда, будто не понимая происходящее.

– О, значит, газ в голову попал! – Воскликнул Антон.

Газ был реденьким, но все же остаточного витала вокруг жидкости.

– Да, – подтвердила Полина, – Этого достаточно, чтобы стереть память.

Громкость голоса была включена.

– Чт... что случилось? Где я?! П-почему я не могу встать?!

– Ладно, видимо, дело сделано. Саш, сделаешь должное? Это несложно. Как я учил. А я отправлю его в больницу, пусть его там похилят.

– Да, думаю, я справлюсь.

Прошло пару месяцев. За это время я достаточно изучил все больничные виды. Меня прокапали всевозможными зельями и био-энергетиками. Выбивали из меня «дурь», одним словом. Обидно, что у меня осталось только одно сердце, и то треснутое. Придется все наверстывать по-новой.

Впрочем, это имело результаты. Я стал намного спокойнее, чем раньше. Отпустил былые недосказанности в адрес «могучей кучки». Даже когда я увидел Машу и Антона вместе, в сердце ничего не екнуло. Перегорело.

Полина обходила меня стороной. Даже перевелась на домашнее обучение, лишь бы не сталкиваться.

Мама и папа были возвращены кодом. Оба без памяти, но возвращение былых привычек – лишь дело времени. Он снова стал серьезен и чопорен, а она смирена и невидима. Правда, на меня больше не возлагали больших надежд. Они помнили о пророчестве, но решили, что это какая-то сектантская ересь.

«В последнее время слишком много богов развелось. Один краше другого. Мало ли что они могут придумать во славу наживы»

Я молчал. Не хотел вступать в перепалку. Эти разговоры про олицетворение Вселенной мне уже были как кость в горле.

Единственное, что меня удивляло – непрекращаемая слезка дохлой девушки из окон школы. Ее имя так мне и не было известно, а по кличке звать не хотел. Вообще всю эту шайку старался не вспоминать. Мне наплевать, чем они занимаются и как достают код. Игра не стоит свеч. Вот и сейчас я даже специально посмотрел ей в глаза. Она тоже не отводила взгляд.

«Неужели, она знает?» – подумал я.

Впрочем, если хранит молчание, значит ей это выгодно. Вот такая между нами «игра», только кто из нас дурак и кто кого обличает – не ясно.

Зверь во мне больше не говорил. Кормиться нечем.

Так продолжались долгие скучные учебные дни.

Правда, не так давно я заметил одну девушку. Она обычно была в компании еще трех своих одноклассниц. Всегда шли рука об руку, одевались одинаково, создавали командный дух. Наверное, какая-то субкультура. Уж очень они любят всякие узорчатые рисунки на кожаных топах.

Та в какой-то момент с ними поссорилась, стала одеваться скромнее. Расплела косу, обнажив волну каштановых волос. Вела себя тихо. Частенько сидела в углу.

Надо бы придумать что-то такое, чтобы вызвать в ней интерес. Может опять обронить что-нибудь? Или последить за ней чуток, выяснить, не ложная ли эта цель? Я сыт по горло ненастоящими людьми.

Да, я не мог так просто забыть Машу. Что-то она во мне еще вызывала. Не любовь, конечно, не восхищение и не чувство заботы. Она отвергла все это. Я стал не нужен. Такое не вызывает уважения, а я себя не на помойке нашел. Мне было ее жалко. Чисто человечески жалко.

Надеюсь, в этой я не ошибся. Она с самого начала увидит во мне живого человека, который способен подарить любовь и заботу.

Жаль, что рыжеволосое чудовище предпочло меня другим. А впрочем, кто бы еще все это сделал ради нее, если не я?

В этот момент в моей голове донесся знакомый смех...